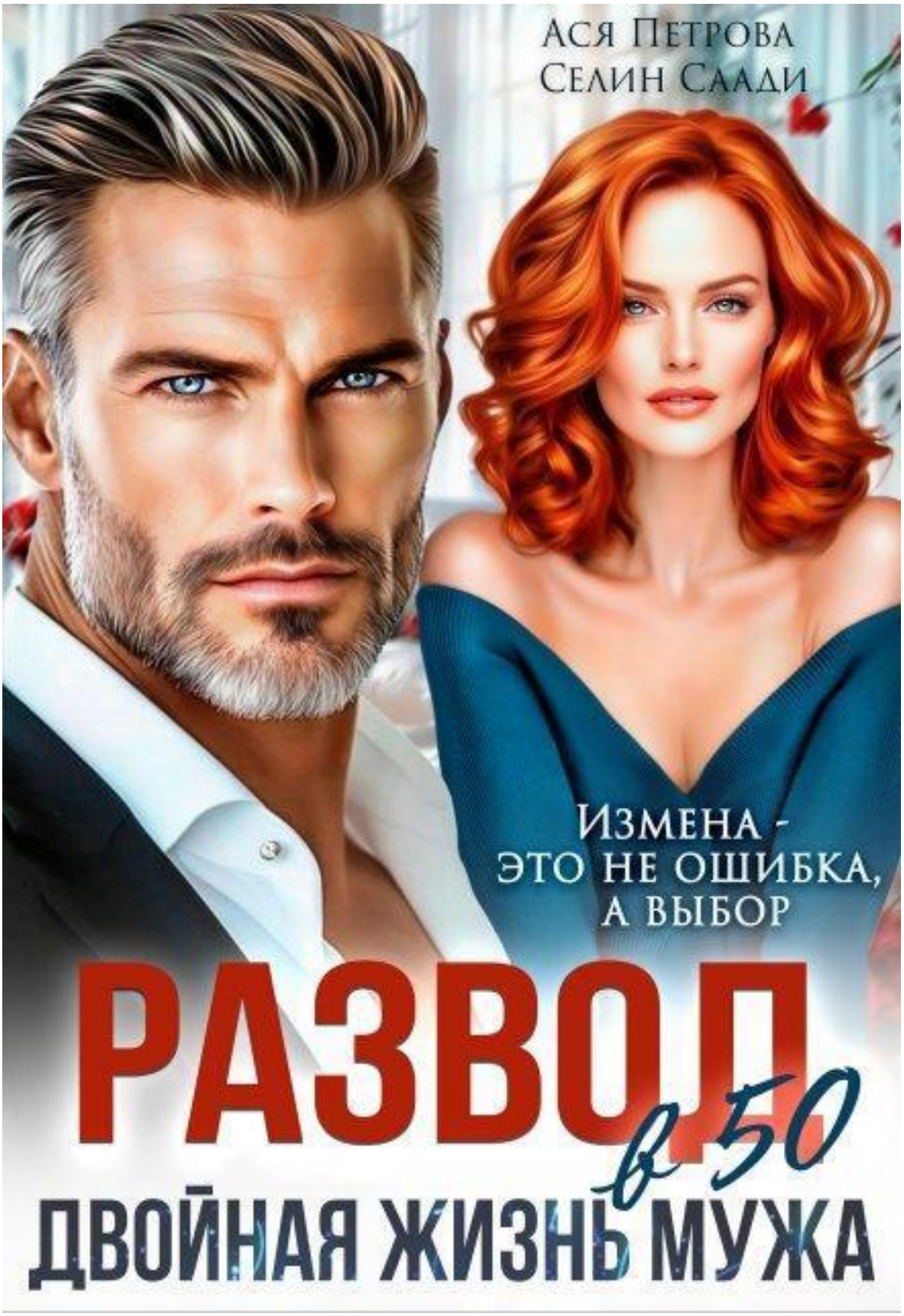

Ася Петрова
Селин Саади
Измена -
это не ошибка,
а выбор
РАЗВОД в 50
ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ МУЖА

Селин Саади

Развод в 50. Двойная жизнь мужа

«Литнет»
2025

Саади С.

Развод в 50. Двойная жизнь мужа / С. Саади — «Литнет», 2025

— Марта, во даешь! Почему не сказала, что в Питере?! Я тебя час назад видела с Гордеем у книжного! Целовались, как голубки, — подруга усмехается, я же опираюсь на стену, а по позвоночнику змеей ползет леденящий холод.— Я не была в Питере больше года… — нелепо шепчу, ощущая как пол уходит из-под ног.Оказалось, что у мужа был период, когда он завел другую женщину, несмотря на тридцать лет брака, детей и внука. Всё оказалось так просто. Работа высокопоставленным чиновником на два города дала ему свободу, но он явно не предполагал, что я захочу развода.Героев ругать можно, авторов нет) НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОБАВИТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ И ПОСТАВИТЬ ❤#

© Саади С., 2025
© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Марта 5
Глава 2. Марта 7
Глава 3. Марта 9
Визуализация. 11
Глава 4. Марта 12
Глава 5. Гордей 14
Глава 6. Марта 16
Глава 7. Марта 18
Глава 8. Марта 20
Глава 9. Гордей 22
Глава 10. Марта 24
Глава 11. Гордей 27
Глава 12. Марта 29
Глава 13. Марта 31
Глава 14. Марта 33
Глава 15. Гордей 35
Глава 16. Гордей 37
Глава 17. Марта 39
Глава 18. Марта 41
Глава 19. Гордей 43
Глава 20. Марта 45
Глава 21. Марта 47
Глава 22. Гордей 49
Глава 23. Гордей 52
Глава 24. Ольга 54
Глава 25. Гордей 56
Глава 26. Марта 59
Глава 27. Марта 61
Глава 28. Марта 63
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Глава 1. Марта

Я заканчиваю лекцию, чувствуя, как голос начинает садиться к концу третьего часа. Большая аудитория МГУ, с высокими потолками и скрипучими деревянными столами, слегка шумит: студенты начинают собирать вещи. Я еще раз пробегаю взглядом по конспектам, чтобы убедиться, что ничего не упустила.

— На следующем занятии поговорим о том, как культурные кризисы XVIII века повлияли на общественные настроения, — говорю я, закрывая папку. — Спасибо за внимание, до встречи в среду.

Вздохнув, я выключаю проектор. Студенты один за другим выходят из аудитории, обсуждая что-то вполголоса. Несколько человек задерживаются, задают уточняющие вопросы. Я отвечаю на автомате, краем глаза следя за часами на стене. Почти шесть. Нужно успеть заехать в магазин, проверить работы к семинару и, наконец, приготовить ужин.

Я выхожу в коридор. Просторное здание университета всегда казалось мне особенным: свет, льющийся из огромных окон, эхо шагов, запах старых книг и пыли. Я чувствую себя частью этой истории.

Телефон в сумке начинает вибрировать. Светлана Соколова. Мы со Светой учились вместе на историческом факультете, но в последние годы общаемся редко — она осталась в Петербурге, а я давно обосновалась в Москве.

— Света, привет! — говорю я, прижимая телефон к уху.

— Марта! Ну ты даёшь! — её голос звучит одновременно взволнованно и немного раздраженно. — Почему не предупредила, что в Питере будешь?

Я останавливаюсь.

— В Питере? Свет, ты о чём?

— Ну а где же ещё? — продолжает она. — Я тебя час назад на Невском видела. Темный цвет волос тебе, честно говоря, не идёт.

Ее прямолинейность вовсе не обижает, Света всегда была тем человеком, который просто для лести словами не разбрасывается. За это я всегда ее и уважала.

— Света... — я чувствую, как моё лицо начинает неметь от неожиданности. — Какой ещё цвет волос? Ты точно уверена, что это была я?

Светлана смеётся, но в её голосе слышится напряжение.

— Марта, ты что, решила пошутить? Вы с Гордеем стояли возле книжного. Я тебя прямо из машины видела, когда на светофоре была. Думала выбежать, но сама понимаешь… В потоке машин было бы странно.

— С Гордеем? — переспрашиваю я, чувствуя, как меня окатывает холодом.

— Да, — Света чуть запинается, словно понимая, что что-то не так. — Вы целовались, потом он тебя за руку взял и вы куда-то пошли.

Я опираюсь на стену. В голове странный шум, а сердце глухо стучит в груди.

— Света, я сейчас в Москве. Я только что закончила лекцию. Волосы я никогда не красила, и в Питере не была больше года.

На том конце тишина.

— Ты уверена, что это была я?

— Марта... — Света говорит медленно, голос ее звучит теперь совсем по-другому. — Я думала, что уверена. Но если ты в Москве...

Она запинается.

— Света, ты точно видела Гордея?

— Да, — говорит она почти шёпотом. — Это точно был он.

Словно кто-то выключает звук вокруг. Всё — шум студентов, топот ног, голоса за окном — превращается в гулкое эхо.

Гордей. Мой муж. Он работает в Петербурге, это я знаю, но у нас всегда были договорённости. Мы доверяем друг другу. Он бы... он бы просто не мог.

Я стою посреди коридора, сжимая телефон в руке, и, не раздумывая, звоню ему. Перед этим извиняюсь перед Светой, обещая вечером перезвонить.

— Привет, дорогая, — Гордей отвечает почти сразу. Его голос звучит ровно, спокойно, как всегда. — Как ты? Как лекция прошла?

— Привет, — я стараюсь говорить как можно непринужденнее, но всё равно чувствую, как голос дрожит. — Всё хорошо. Ты как? Чем занят?

— Да ничего особенного, — отвечает он. — Вышел погулять. Сегодня в Питере солнце, ты бы видела. Первый раз за год выбрался просто так пройтись, совещание отменилось.

— Гуляешь? — я стараюсь не выдать волнения. — Где именно?

— На Невском был, сейчас вот к Казанскому подхожу, — говорит он. — Марта, тебе бы понравилось, очень красиво.

Через секунду телефон вибрирует — Гордей прислал фото. На экране тёплое солнце освещает Казанский собор.

— Видишь? — добавляет он. — Даже решил тебе прислать, чтобы ты почувствовала атмосферу.

Я смотрю на снимок. Всё выглядит убедительно. Слишком убедительно.

— Красиво, — отвечаю, ощущая, как тревога внутри не уходит, а словно бы зарывается глубже.

— Когда домой собираешься? — спрашиваю я, стараясь переключить тему.

— Через пару дней, — говорит он. — У меня здесь ещё встречи, но к выходным буду. В Питере бардак, родная. Они сливают бюджет, а фасады зданий в такой грязи… — он прокашливается, — В общем не по телефону.

Мы прощаемся. Гордей звучит, как обычно: уверенно, тепло и с любовью. Он даже не спрашивает, почему я звонила так внезапно, хотя обычно это не в моих привычках.

Но когда разговор заканчивается, мне становится только хуже. Он не лгал, я уверена. Но почему тогда Света была так уверена, что видела его с другой?

Глава 2. Марта

Я сижу у окна в "Сапсане", глядя на мелькающие за стеклом зимние пейзажи. Поля, редкие деревья, заснеженные проселки. Всё кажется нарисованным одной кистью серых и белых тонов. Но я едва замечаю эту смену декораций. Мысли снова возвращаются к разговору со Светланой. К её словам. К этому абсурдному образу Гордея на Невском.

Он целовал другую женщину? Нет, это абсурд. Света ошиблась. Но тогда почему её голос звучал так уверенно?

Я всю ночь ворочалась, не в силах найти покой. Снова и снова прокручивала детали в голове, пытаясь понять, откуда эта уверенность и что она могла означать. Обычно я анализирую, взвешиваю, отбрасываю ненужное. Но сейчас... Сейчас я не смогла. Утром, как будто кто-то подталкивал меня, я собрала вещи и купила билет в Петербург.

Для меня это нехарактерно — я всегда все планирую. Но этот хаос внутри будто разломал во мне привычный порядок.

Телефон на столике начинает вибрировать. Кирилл. Я немного улыбаюсь: его голос всегда вызывает у меня тепло.

— Мам, привет! — говорит сын весело, но торопливо. — Слушай, когда вы с папой приедете к нам? Ваня уже соскучился по бабушке.

Я улыбаюсь шире, представляя пухлые щёчки внука.

— Ване всего полгода, — отвечаю я с лёгкой улыбкой. — Он ещё не знает, как скучать.

— Ещё как знает! — смеётся Кирилл. — Я вчера показывал ему твои фото, он так смотрел... Это, мам, знак.

— Тогда придётся приехать, — говорю я мягко. — Как насчет следующей недели? Мы выберемся к вам загород, пожарим шашлыки. Ты знаешь, я скучаю по вашему дому.

— Договорились! Лиза обрадуется. А ты Еву давно видела? — он понижает голос. — Я вчера заметил её сторис. Там какой-то клуб, коктейли, непонятные люди.

Я вздыхаю, нахмурившись.

— Кирюша, ты знаешь свою сестру. Ей сейчас непросто. Попробуй поговорить с ней, напомни, что мы её любим. Ты знаешь, как она упряма, если давить на неё.

— Ладно, мам, попробую. Но ты тоже поговори, ей тебя иногда не хватает.

— Я знаю, — отвечаю мягко.

Он замолкает на секунду, а потом спрашивает, чуть настороженно:

— Мам, а ты где сейчас?

Я вздыхаю. Не сказать ему правду было бы странно, но и вдаваться в подробности я не хочу.

— Я еду в Петербург, — говорю, стараясь звучать легко. — Соскучилась по твоему отцу. Решила устроить сюрприз.

— Ты? Спонтанно поехала? — его удивление едва ли скрыто.

— Да, — улыбаюсь я, хотя чувствую, что это натянуто. — Иногда и я могу сделать что-то неожиданное.

— Ну-ну, — он смеется. — Ладно, мам, только смотри, не забудь: Ваня ждёт.

— Я помню. Целую вас.

Я кладу телефон на столик и смотрю в окно. Петербург уже близко. Но чувство тревоги внутри растёт, будто я пытаюсь угадать, что ждет меня там.

Город встречает холодом и сыростью. Небо низкое, затянутое тяжелыми облаками, воздух пронизывающий, влажный. Я кутаюсь в пальто, но холод всё равно добирается до костей. Солнце, о котором говорил Гордей, похоже, покинуло этот город ещё до моего приезда.

В такси я вспоминаю свою студенческую юность. Петербург был моим домом столько лет. Здесь я встречала рассветы на набережной, гуляла по мостовым, чувствовала себя частью чего-то большего. Но сегодня город кажется мне чужим.

Отель, в который я приезжаю, выглядит как всегда: строгий, со вкусом оформленный холл, мягкий свет. Это место Гордей выбирает уже не первый год, я знаю его почти так же хорошо, как свой дом.

— Добрый день, — говорю девушке на ресепшене, натянуто улыбаясь. — Я Марта Зарудная. Мой муж, Гордей Зарудный, здесь остановился. Хочу сделать ему сюрприз.

Протягиваю ей паспорт, чтобы она убедилась и проверила общую фамилию.

Девушка улыбается, но это та профессиональная улыбка, за которой нет настоящих эмоций. Она садится за компьютер, набирает что-то на клавиатуре.

— Извините, но такого гостя у нас нет, — говорит после небольшой паузы и отдает мне документ обратно.

— Как это? — я чувствую, как внутри всё сжимается. — Проверьте ещё раз, пожалуйста. Он всегда останавливается здесь.

Девушка снова что-то вводит, а затем, чуть качнув головой, поднимает взгляд.

— Нет, его точно нет. И даже брони на это имя не было.

В груди растет холод.

— Вы уверены? — мой голос звучит тише, чем я хотела.

— Да, я уверена, — говорит она. — Может быть, он выбрал другой отель в этот раз? Сейчас нагрузка большая… Все номера заняты.

Я киваю, хотя внутри всё переворачивается. Гордей всегда останавливается здесь. Почему сейчас он решил иначе? Или...

Выйдя на улицу, я вдыхаю сырой воздух. Снег падает мелкими хлопьями, но от него больше грязи, чем красоты. В голове будто пустота. Решение поехать сюда кажется мне одновременно правильным и ужасным. Но теперь пути назад нет.

Мы рады приветствовать вас в нашей непростой, мы даже сказали бы сложной и эмоциональной новинке!

Будем благодарны за поддержку #

Поставьте, пожалуйста, “Мне нравится” и добавьте книгу в библиотеку, чтобы не потерять выход новых глав.

А также можно подписаться на авторов, так как мы подготовили для вас много всего интересного и многообразие новых историй.

Спасибо, что с нами!

Глава 3. Марта

Судорожно обдумываю возможные пути, и через несколько минут возвращаюсь на ресепшн.

— Раз нет моего супруга, найдется одноместный номер на сутки? — не выдавая никакого волнения или эмоций я вежливо интересуюсь.

Девушка с дежурной улыбкой просит подождать секунду и проверяет наличие номеров. Я же постукивая короткими ногтями по стойке пытаюсь хотя бы сейчас обдумать, что теперь делать.

— На сутки будет, — будто радуясь больше, чем я сама восторженно звучит сотрудник отеля.

Киваю в ответ с благодарностью в глазах и тяну паспорт. А спустя пять минут, я уже забираю ключ карту и благодарю за оказанное мне внимание.

Двигаюсь в сторону лифтов и поднимаюсь на седьмой этаж. Это, к слову, тоже как бы традиция мужа. Но сейчас, учитывая, что здесь селюсь я, а не он, это кажется комичным и даже сюрреалистичным.

Останавливаюсь у двери, открывая номер, тут же загорается желтый теплый свет, который действует несколько угнетающе, а я оставив сумку и перчатки, сразу двигаюсь к огромному окну номера.

Не тороплюсь снимать пальто, рассматривая довольно мрачный, но вместе с тем завораживающий вид. Внутри некая сумятица, и тут же рядом, словно есть что-то, что эту сумятицу автоматически раскладывает. Как я готовлюсь блоками к своим лекциям, так и тут есть что-то такое, что указывает на мой следующий блок и это звонок моему мужу.

Расстегиваю наконец пальто, и аккуратно складываю его на спинке кресла. Будто оттягивая момент нашего разговора, а главное моего вопроса, я медленно кручу телефон в руках.

Мы вместе с Гордеем слишком долго, чтобы не знать и не понимать себя и каждого из нас. Но сейчас, у меня возникает ощущение, что на шестом десятке лет будто что-то поменялось. То привычное и обыденное, что я знала сейчас покрыто мраком неизвестности, домыслов и загадок.

Но даже если он мне соврал, чего я за ним никогда не замечала…Я никогда не лезла в дела мужа. Его правительственные истории порой лучше даже и не знать. К тому же я не понаслышке знаю, каким трудом Гордей шел по этому пути, и сколькой кровью ему далась его вполне успешная карьера.

Смахиваю экран, снимая блокировку и закусив щеку изнутри, набираю автонабор на цифре пять.

Характерный звук имитации клавиш, а затем и первый гудок.

— Родная, я немного занят, у тебя срочно? — он слышится крайне сосредоточенным и серьезным.

А я ожидая подобного, потому что сейчас самый разгар дня, бью сразу в лоб.

— Я в твоем отеле. Хотела сделать сюрприз, но твоей брони даже не существует, — озвучиваю спокойно, а брови невольно все же двигаются в удивлении на озвученные слова.

Слышу, как супруг говорит своим собеседникам, что покинет помещение на минуту, прикрывая это все срочным звонком. Дальше я слышу его шаги, и немного с нервной улыбкой я жду его слов в динамике.

— Марта, — он звучит сбитым с толку, но вместе с тем, обреченно: — Я освобожусь через пару часов…

— Гордей, — перебиваю медленно качая головой: — Я хочу услышать лишь одну вещь, и не планирую отрывать тебя от государственных дел.

Слышу, как он чертыхается, и следом оглушительный для меня тяжелый вздох, который, к моему шоку, говорит уже о многом.

На глаза наворачиваются слезы, но я пока даже они еще невидимы, смахиваю их, пытаясь принять такую обезоруживающую и неприятную реальность.

— И кто она? — глухо звучит собственный вопрос.

Внутренний ступор после вчерашнего звонка давней подруги сменяется тенью разочарования и откровенного непонимания.

— Милая, это…

— Нет, уволь, Гордей! — тут же перебиваю, всплескивая руками в воздухе и качаю головой: — Будь хотя бы способен не бросать глупых несуществующих оправданий, как в ненавистных дешевых операх!

— Ее зовут Оля, — обреченно выдыхает муж: — Я не хочу по телефону, это не расскажет тебе всего…

— Хм, — усмехаюсь, не сдерживая собственный нервный смешок: — Всего? Чего? Я ведь считала, что у нас счастливая жизнь… — последнее вылетает почти бессвязным шепотом.

Я же обескураженно в неверии вожу глазами по шторам отеля, потому что не могу уложить в голове, как такое возможно… Он ведь дед уже, прости господи!

— Счастливая, Марта! Очень! Просто был период, когда…

— Нет, не нужно, — пресекаю повторную попытку: — Ты политик, и уверена, сейчас будешь подбирать слова.

Вот теперь отчетливо просачивается злость, и я наконец ощущаю себя не инертной. И я чувствую эту боль внутри просто трудно признать, что это происходит наяву. Может будь я в машине Светы вчера, тогда мне было бы проще.

— Только правда в том, Зарудный, что никаких слов тут не подберешь. Ты выбрал. Ты сделал тот выбор, который был тебе выгоден, интересен или что-то там еще…И мне плевать чем ты руководствовался. Мы вместе больше тридцати лет и что это?! Бес в ребро?! Ошибка?!

— Марта…

— Даже не смей называть свое предательство - ошибкой, потому что это далеко не так.

Отключаю телефон, отбрасывая его в кресло.

Прикрываю глаза, глубоко вдыхая воздух. Безмолвные слезы портят легкий макияж, но есть ли вообще до этого дело. Очевидно, старушка под боком едва ли кому-то нужна в этом мире, стоит только глянуть на статистику расторгнутых браков. Только ведь недавно обсуждали это на кафедре с коллегами, и я нескромно озвучила, что мой супруг не будет способен на подобное.

И дело ведь даже не в публичности и его репутации, которая мгновенно почернеет, и он никогда не сможет отмыться, а в том, что Гордею это не интересно, вещала я женщинам помоложе.

И вот теперь, я на месте преданных и разбитых. Была предана, а стала преданной…одна буква, а какая колоссальная разница между. И сейчас из первой в мгновение ока я превратилась во вторую. Все это при том, что под занавес жизни я должна бы наслаждаться прожитыми годами, ностальгируя, нянчить внуков и сажать грядки.

Листайте дальше) там визуалы главных героев

Визуализация.

Давайте познакомимся с главными героями.

Марта Зарудная, 50 лет

Преподаватель в МГУ

Гордей Зарудный, 52 года
Высокопоставленный чиновник, уже много лет живет на два города Москва и Санкт-Петербург

Глава 4. Марта

Я сижу на кровати в маленьком номере отеля, прислонившись спиной к холодной стене. В окно пробивается тусклый свет фонаря, будто бы сам город подчёркивает эту серую, бесцветную атмосферу моего состояния. Капли мокрого снега лениво стекают по стеклу, отражая мой собственный внутренний хаос.

Я сняла номер на сутки. Не было смысла сразу ехать обратно. Нужно немного прийти в себя, отдохнуть после этой поездки, но главное — собраться с мыслями. Хотя какая польза в этих мыслях, если они только ранят?

В голове крутится одно и то же: *Как? Почему?*

Наш брак всегда казался мне крепким. Да, не без мелких ссор, как у всех, но разве у нас были настоящие проблемы? Мы вместе воспитали двоих детей, пережили кризисы 90-х, строили жизнь на прочном фундаменте взаимопонимания. У нас есть дом в Подмосковье, уютная квартира в Москве, где с балкона открывается вид на тихий зелёный двор. У каждого из нас стабильная работа. Мы не бедствуем, мы окружены семьей.

Кирилл, наш старший, подарил нам внука. Ева… ну, с ней сложнее, но она ещё молода, и я верю, что она найдёт свой путь.

Так почему? Почему Гордей, мой Гордей, с которым я прошла через столько лет, вдруг оказался человеком, способным на измену?

Я закрываю глаза, пытаясь найти зацепку, хоть что-то, что объяснило бы этот разлом. Может, я сама чего-то не заметила? Может, мы с ним отдалились? Но нет.

Я вспоминаю наши разговоры, его улыбку за чашкой утреннего кофе, как он помогал мне накрывать на стол, как рассказывал о своих рабочих делах. Ничего не указывало на это. Ни единого намека.

Телефон на тумбочке вибрирует, но я не поднимаю трубку. Это Кирилл, он, наверное, хочет спросить, как доехала. Но я не готова говорить с ним, пока внутри всё болит.

За окном гудит ветер, а я обхватываю себя руками, пытаясь укрыться от невидимого холода. Я была уверена, что у нас с Гордеем есть общее будущее. Что всё, что мы строили вместе, было настоящим.

А теперь что? Другая женщина.

Кто она? Как долго это длится?

В дверь кто-то стучит. Сначала я не реагирую, думая, что это обслуживающий персонал. Но стук повторяется, настойчивее.

— Марта, это я. Открой, пожалуйста.

Этот голос я узнаю из тысячи. Гордей.

Моё сердце сжимается. Я встаю с кровати, автоматически приглаживая волосы. Подхожу к двери, но не сразу открываю. Стою, вслушиваясь в тишину за дверью, будто надеясь, что он просто уйдёт. Но он не уходит.

Наконец, я открываю.

Он стоит передо мной, всё тот же: высокий, уверенный, с легкой сединой на висках. На нём серое пальто, слегка промокшее от хлопьев снега. Но его взгляд… Это не тот взгляд, который я знала. В нём что-то новое — вина, растерянность.

— Можно войти? — тихо спрашивает он.

Я молча отступаю, пропуская его внутрь.

Мы сидим напротив друг друга в этом маленьком номере. Гордей снял пальто, но всё равно выглядит напряженным. Он перебирает в руках ключи, будто бы это помогает ему собраться с мыслями.

— Марта, я… — начинает он, но запинается. — Ты должна понять, я никогда не хотел, чтобы так получилось.

Это звучит слишком банально.

— Тогда зачем? — перебиваю я, и мой голос звучит жёстче, чем я ожидала. — Если не хотел, зачем это сделал?

Он вздыхает, как будто ему тяжело даже начать объяснять.

— Это… это было в сложный момент. Я… чувствовал себя одиноким, потерянным.

— Одиноким? — я горько усмехаюсь. — У тебя есть семья. Я — твоя семья. Как можно быть одиноким, когда рядом люди, которые тебя любят?

— Ты не понимаешь, — говорит он, поднимая на меня глаза. — Я не обвиняю тебя, но в какой-то момент я почувствовал, что… что я потерял часть себя. Что жизнь стала однообразной, предсказуемой. А Ольга… она просто оказалась рядом.

— Ольга, — повторяю я, пробуя это имя на вкус. Оно кажется горьким, как хинин. — Как долго это длится?

— Несколько месяцев, — признаётся он. — Но, Марта, это не то, о чём ты думаешь. Я ничего не чувствую к ней. Это просто… ошибка.

— Ошибка? — я смотрю на него, чувствуя, как внутри всё сжимается. — Ошибка — это когда ты забываешь что-то сделать. А у тебя… другая женщина.

Он молчит.

— Гордей, я тебя любила. Я верила тебе. Всегда. Ты был для меня… всем.

— И ты остаешься для меня всем, — торопливо говорит он, кладя руку на стол между нами. — Я не хочу ничего менять, Марта. Нам уже за пятьдесят. Мы слишком взрослые, чтобы делать поспешные выводы, чтобы разводиться из-за…

— Из-за твоей лжи? — снова перебиваю я.

Его рука застывает в воздухе.

— Марта, я прошу тебя. Я сделал ошибку, я признаю это. Но я не хочу терять тебя.

Я смотрю на него, и в этот момент понимаю, что всё кончено. Как бы сильно я его ни любила, я не смогу жить с этим.

— Гордей, — говорю я тихо, но твёрдо. — Как бы ты ни пытался всё объяснить, это ничего не меняет. Мы больше не можем быть вместе.

— Не говори так, — его голос звучит умоляюще, и это разбивает мне сердце ещё сильнее. — Мы сможем справиться, я всё исправлю…

— Нет, — я качаю головой. — Может, ты и справишься. Но я — нет.

Между нами опускается тишина, тяжелая, как этот серый питерский вечер.

Глава 5. Гордей

Эта тишина давит. Буквально пригвождает к месту, а я не свожу растерянного взгляда со своей Марты.

Она отпускает нас и не готова биться с моими демонами, а я не готов отпускать ее.

И пусть Ольга, как маленький болт собственного механизма жизни, мне надо сделать хоть что-то, потому что Марта незаменимая деталь, мать его, моего существования.

Первый раз когда это случилось, я много часов обдумывал, как, черт возьми, до этого докатился…Но, жизнь на два города, вечные поездки, которые изматывают порой до апатичного состояния, в купе с бесконечными сборищами депутатов и прочих, это полный аллес. И да, я когда-то выбрал эту жизнь сам, и Марта меня только поддержала, верила в нашу семью, в нас. Вселяла надежду в меня, что мы справимся, и я, черт возьми, согласен, мы справлялись. Долгое время. А потом, один момент, и кажется, что нет.

Я, то тут, то там, порой даже не замечающий смены пейзажа за окном. Голову поднял и ты уже в промозглом Питере, опустил и вот в неспящей Москве. Жена, имеющая тотальную независимость… И тут вдруг пришедшее осознание, что каждый из нас проживает свою жизнь.

Да, по-банальному, в одной ячейке общества, но мы все имеем личную жизнь, не связанную друг с другом ничем, кроме названия семьи. Выросшие дети: сын, у которого уже жена и ребенок, дочь, которая давно послала бы нас обоих далеко и надолго, не будь у нас денег в избытке… Марта и я.

И ты будто со стороны наблюдаешь, как от твоей некогда сплоченной и теплой семьи — не осталось ничего. Даже гребанных крошек.

Тебя будто уже даже и не ждут, привыкшие к этой обыденности, не встречают, а ты нет, нет, да задумываешься о былом уюте и эмоциях.

Чья в этом вина? Наша? Моя? Ее? Не ответит никто. Я виноват лишь в том, что допустил подобное, осознавая, что если правда вскроется, я не буду готов потерять свою супругу.

Разглядываю ее, такую утонченную и сексуальную в своей тяге к истории и культуре. Неведомо, но самая соблазнительная ее черта, помимо шикарной внешности даже в эти годы, это ее ум. И эти слова я не буду готов забрать обратно, чтобы между нами ни случилось.

— Марта…Прошу, поверь, мы сможем исправить. Я сам все сделаю, слышишь?! — заявляю стараясь показать, что это единственный возможный вариант.

— Я осознаю, Гордей, как долго ты шел к этой точке, и я сейчас про работу, — твердо, и даже слишком черство, как собственно, все наше общение, она начинает: — Поэтому согласна провести все тихо, чтобы не было проблем с твоим статусом.

Чертыхаюсь, прикрывая глаза, и качаю головой.

— Я разорву все отношения с Олей!

Марта звучно цокает и отрицает.

— Я не требую этого, потому что ты уже придаешь достаточное значение той женщине, Гордей, — она встает, и я наконец вижу, как в ее глазах скапливается влага: — И вашим отношениям… Ты сказал несколько месяцев, но даже твоя интонация меняется на упоминании ее имени. Не смей обманывать меня больше. Это твой самый низкий и бесчеловечный поступок по отношению ко мне.

Матерюсь, вскакивая, и преграждаю ей дорогу. Беру ледяную руку в ладонь, и я судорожно невпопад оставляю короткие поцелуи.

— Ну же, историчка моя, — вспоминаю прозвище, что дал ей много лет назад с какой-то безысходностью: — Умоляю…

Марта аккуратно вытягивает свою руку из моих ладоней, делая это также грациозно, как и все ее движения. Медленно и даже не торопясь, забирает мое пальто и двигается к двери номера.

— Я не хочу тебя видеть, Гордей. Поговори со своими журналистами, маркетингом и кем-там еще, чтобы они помогли в неразглашении. Я подаю на развод, и мое решение, как и любое другое, не подлежит изменению.

Опускаю взгляд в пол, осознавая, что она говорит натуральную правду. К сожалению, я знаю свою жену, и она никогда не сомневается в том, что делает.

— Марта, прости меня… Ты сейчас не поверишь, но я люблю тебя и нашу семью. — это собственный отчаянный крик и последняя тухлая надежда.

Она вытягивает руку с моей вещью вперед, а сама даже не смотрит в мою сторону.

Выхожу из номера, впервые находясь на жестком перепутье, и не представляю как могу искупить вину перед ней. Телефон тут же вибрирует в кармане, и я даже знаю, кто это. Я ведь озвучил, что все вскрылось, она небось тоже переживает.

— Гордей, ты как? — взволнованный голос сразу же буквально выкрикивает в трубку, как только я отвечаю на звонок: — Ты поговорил с супругой?

— Да, — коротко отвечаю, решив спуститься по лестнице, а не на лифте.

— И? — неуверенные интонации просачиваются в ее голос: — Ты вернешься домой? — отчаянный и крайне осторожный вопрос, а я молчу, пока глядя перед собой, ступаю по ступеням.

— Да, Оля…еду. Только не буди Пашу.

Отключаю вызов, а в мозгу до сих пор звучат слова жены. Если это все откроется, кресло в правительство заказано, а от кристальной репутации не останется и чертовой белой ниточки.

Глава 6. Марта

Телефон лежит на столе передо мной, и я смотрю на него, как на пустую оболочку, не зная, как начать этот разговор. В голове сумбур, а сердце будто пропускает каждый удар. Я не готова говорить об этом, но нет другого выхода. Это нужно сказать, и, как бы мне ни было больно, я должна рассказать Кириллу. Ведь он мой сын.

Собравшись с силами, я набираю номер Кирилла. Несколько гудков, и вот его голос на другом конце:

— Мам, привет! Как там всё, как Питер? Как папе сюрприз? Обрадовался?

Я закрываю глаза. Сюрприз был… Жаль, что не с моей стороны. Я хочу успокоить его, сказать, что всё нормально, что я вернусь домой с хорошими новостями. Но я не могу. Уже не могу.

— Привет, сынок, — мой голос звучит тихо и напряженно. — Папа отлично проводит время, гуляет, наслаждается своим одиночеством.

Сарказм так и хлещет из меня ровным потоком.

— Тон твой мне не нравится, мам…

— Кирилл, я… не знаю, как тебе это сказать, — заставляю себя продолжать. — Я приехала к отцу… Но… Он мне изменяет, сын. Ее зовут Ольга. И вроде как у них все серьезно, хоть он и отрицает, я слишком хорошо знаю твоего отца. Глаза не врут…

Сквозь тишину я слышу, как он замолкает. Сначала просто молчит. Потом переспрашивает, будто не может поверить своим ушам.

— Что? Ты… что-то не так сказала? — его голос звучит сбивчиво, и мне вдруг становится ясно, как сильно я его ошарашила. — Он тебе изменяет? Но… как? У вас всегда всё было нормально! Я думал, что… что вы с ним так хорошо живете, мама!

— Я тоже так думала, — говорю я, пытаясь не расплакаться. — Я не понимаю, как это могло случиться. Мы с ним всегда… всегда были рядом, у нас не было никаких проблем, Кирилл. Всё было… как всегда.

— Мам, ты точно уверена? Может, это какая-то ошибка? Я не могу поверить, что это правда. Ты говоришь это, как будто… ну, будто это уже всё. Ты что, с ним поговорила? Он тебе признался?

— Да. — Я кидаю взгляд на окно, за которым погода сгущает краски, словно отражая мое состояние. — Я поговорила с ним. Он признался. Сказал, что эта женщина… появилась в его жизни в последние месяцы. И он не мог остановиться. Я… не знаю, как с этим справиться, Кирилл. Это слишком больно.

Теперь тишина затягивается. Слова, казалось, ушли, оставив только пространство, где Кирилл пытается переварить то, что я сказала. Я слышу, как сын тяжело дышит.

— Я не могу поверить… Я не думал, что такое вообще возможно. Это как-то… нереально, — его голос ломается, и в нем слышится растерянность, боль. — Ты что теперь будешь делать? Как… как ты будешь дальше?

Я чувствую, как внутри меня всё рушится. Но я должна это сказать.

— Я подаю на развод. Я не могу продолжать так, Кирилл. Я не могу жить с человеком, который меня предал. Даже если я его люблю… Это слишком.

Теперь его слова звучат уже не так решительно, как раньше.

— Ты… ты серьёзно? Мам, это ужасно. Ты уверена, что это всё? Ты не хочешь хотя бы попробовать поговорить с ним, выяснить, может быть, он исправит всё? Поговорить с ним, как-то решить эту ситуацию?

— Я не могу, Кирилл. Я не могу поверить его словам. Он сказал, что не хочет ничего менять, что всё будет как прежде. Но я не могу вернуться к тому, что было. Я не могу.

Он снова молчит. Долгие секунды тянутся, как целая вечность. Я понимаю, что для него это удар, и, наверное, он сам не знает, как реагировать на то, что происходит в нашей семье. Как это было возможно, как это случилось? И почему его отец оказался таким человеком.

— Мама… Я не знаю, что сказать. Это настолько… не укладывается в голове. Всё, что ты говоришь, мне трудно поверить. Ты, конечно, знаешь, что я тебя поддержу. И я готов быть рядом. Ты не одна. Но я не понимаю, как это всё могло случиться.

— Кирилл, я понимаю, что это трудно. Я сама не знаю, как мне это пережить. Но я не могу дальше жить в этом. Ты ведь знаешь, что я никогда не могла бы тебе врать. Я говорю тебе правду. Это так больно.

— Не переживай, мам, — наконец он отвечает мягко. — Мы с Евой тебе поможем. Ты не одна. Я встречу тебя на вокзале, не переживай. Ты отдохнёшь у нас, а потом как-то будем решать, что делать дальше. Всё будет нормально. Мы рядом.

— Не говори пока сестре, хорошо? Я сама. Чуть позже.

— Ох и поднимется буря, мам.

Сердце немного успокаивается, и я чувствую, как он заботится обо мне. Он не судит, не обвиняет. Он просто рядом, как всегда.

— Спасибо, Кирилл. Спасибо, что поддерживаешь меня. Мне так тяжело, но… я буду стараться. Всё будет хорошо.

— Всё будет хорошо, мам. Мы все с тобой. Ты не одна.

Мне срочно нужно спрятаться в доме сына и невестки, окунуться в заботу о внуке и хоть немного привести свои эмоции в порядок. Я не готова видеть Гордея, слышать и тем более ощущать его.

Глава 7. Марта

Смотрю на морозные разводы у окна, а внутри такая тихая и безмолвная пустота. Мне не хочется кричать, не хочется плакать, мне просто так невыносимо горько от того, что происходит. Горько, что даже слюну проглотить не могу, будто и та горчит.

Касаюсь рукой повторяя витиеватые линии, а на губы опускается горькая улыбка.

Как же так, Гордей… Мой Гордей.

Поезд медленно начинает движение, и я отдергиваю руку словно запрещаю себе показывать слабость. Позволив минуту сокрушающих мыслей, будто собираюсь с силами, чтобы больше этого не делать.

Телефон на столике от соседнего кресла начинает вибрировать и я вижу, что это мой муж.

Смахиваю экран, считая, что мы не будем вести как обиженные и обозленные переростки. В конце концов дань уважения жизни и годам вместе, у нас все же должны быть.

— Здравствуй, — отвечаю коротко и немного приглушенно.

— Как твои дела? Ты в порядке? Тебе ничего не нужно? — он стреляет вопросами как из пулеметной очереди.

В другой бы раз я мило улыбнулась в трубку и успокоила мужа. Но не теперь.

— Нет, Гордей. — озвучиваю твердо, но без упрямых нот: — Я возвращаюсь в Москву. Мое заявление уже готово, нужно лишь..

— Я понял, — он нервно перебивает: — Я вернусь через два дня, Марта. И…

Хмурюсь в ожидании того, что он скажет. Правда если это вновь будет про исправить то, что уже уничтожено, я отключу телефон. И крайне надеюсь, что этот человек за годы вместе узнал меня.

— Что и? — устало выдыхаю, и попутно тру виски.

— Озвучу тебе, как можно будет подать на развод. — он добавляет глухо и явно без желания, а я поджимаю губы и глубоко вдыхаю: — Но даже если ты получишь назад свою Лебедеву…это не значит, что я сложу руки и не буду пытаться тебя вернуть, Марта. Запомни.

Невольно брови немного вскидываются от такой самонадеянности, но как только я хочу что-то ответить, то слышу уже сброшенный звонок.

В решительности Гордею не отнимать, но это не просто новый закон их думы, новый контракт или новый бюджет. Несмотря на более простую схему у нас сложнее…потому что это полностью разрушенные жизни. И в первую очередь, Гордей пустит под откос мою.

Откладываю телефон, глубоко вдыхая. Наверное, в какой-то степени я бы хотела увидеть эту женщину…Но почему-то если я увижу ее воочию, то это обретет какие-то нестираемые черты. А это мне совершенно точно не нужно. Достаточно слов Гордея.

Но как и любая женщина, оказавшаяся в такой ситуации, в моей голове в прямом смысле ежечасно вырисовываются разные образы. Брюнетка, блондинка, молодая, взрослая…веселая и милая? Или напротив роковая и сексуальная?

Откидываю голову на подголовник и качаю ей в попытке согнать эти совершенно ненужные мне картинки. Я не должна позволять себе закапываться в этой паранойе.

Повторный звонок телефона разрывает пространство, и я вижу фото дочери.

— Ева, милая, — с улыбкой отвечаю ей, но на том проводе слышу лишь нелицеприятные чертыхания.

— Какого черта, мам?! — она буквально верещит в трубку: — Папа опять заблочил мне все! Сколько уже можно?!

Прикрываю глаза с глубоким вдохом. И что бы ни было у нас с Гордеем, в нашей жизни это не впервые.

— Ева, что ты опять натворила?! — устало спрашиваю, потому что Гордей не сумасшедший и делает это, если только видит причину: — Ев!

Она замолкает, и я понимаю, что рыльце снова в пушку.

— Я все лишь израсходовала лимит! — канючит жалобным тоном, а мне тут же и самой материться хочется.

— Ев, отец тебе говорил, гулять на сто с лишним тысяч за ночь, не слишком ли шикарно?! — приходится шипеть в трубку, хотя буквально хочется показать весь тембр голоса как в аудитории.

— Мам! Ты хотя бы не начинай! — считаю до трех, но впервые наверное мне не хочется выступать буфером между Гордеем и Евой.

Несмотря на то, что мы оба не смогли дать должную любовь в силу своей работы и тем самым баловали ее всяческими подарками, я все равно старалась ограждать ее от слишком категоричных мер мужа. С сыном это одно, да и он уже взрослый, но Ева…

— Ева,позвони отцу, ты же с ним не говорила еще, — я не готова пока говорить ей, что происходит у нас, и полагаю, в конце концов, они способны сами договориться.

— Ну мама… — она буквально хнычит, а я снова задумываюсь.

Как бы муж мне не сделал больно, он все таки в своих более жестких методах гораздо эффективнее, нежели я. По крайней мере, пару раз до этого, это помогало.

А мне нужна пауза, мне нужно следовать сейчас своему плану, чтобы абстрагироваться в играх с внуком, и после как раз осветить новости на всю семью и понять, как действовать и жить дальше.

Глава 8. Марта

Я пыталась спать этой ночью в питерском отеле, но это оказалось невозможным. Мысли, как назойливые мухи, кружились вокруг одной и той же боли. В голове — бесконечные повторения вчерашнего разговора с Гордеем. Его слова, его оправдания. Всё это как горькая пилюля, которую я не могу проглотить.

Он выбрал её. Пусть он сказал, что это было «ошибкой», что «ничего серьёзного», что любит меня, но в его поступке была целенаправленность. Он предал. Он сознательно разрушил то, что мы строили десятилетиями.

Я вытираю уголок глаза, где предательски собирается слеза. Я не хочу плакать сейчас. Не в этом поезде, не перед чужими людьми. В груди всё горит, а на душе тягостно. Неужели это конец? Такой нелепый, безжалостный финал?

Сапсан прибывает точно по расписанию. Я схожу с платформы, и ветер Москвы встречает меня ледяным шлепком по лицу. Город выглядит суматошным, как всегда, и в этом хаосе я вдруг чувствую себя бесконечно маленькой.

Кирилл ждёт меня у выхода из вокзала. Его широкие плечи, темная куртка и лицо, в котором я вижу всё: и заботу, и настороженность, и, возможно, остатки недоумения. Когда я подхожу ближе, он открывает для меня дверцу машины, ни слова не говоря.

Усаживаюсь на пассажирское сиденье и чувствую, как от усталости сразу тяжелеет тело. Кирилл обходит машину, садится за руль, включает двигатель.

— Привет, мама, — его голос звучит мягко, но с оттенком напряжения. — Как ты?

— Устала, — отвечаю честно.

Он кивает и какое-то время молчит, будто собирается с мыслями. Мы трогаемся с места, и я смотрю в окно, на мелькающие витрины и серые фасады.

— Ты же понимаешь, что мы с тобой, — говорит он через несколько минут. — Всё, что нужно, мы сделаем. Просто скажи.

— Спасибо, Кирилл. Я знаю. Но пока мне нужно немного времени. Просто... прийти в себя.

Он снова кивает. За рулём он всегда сосредоточен, но сейчас я вижу, как хочет сказать что-то ещё.

— Знаешь, папа мне звонил, — вдруг говорит он, не отрывая глаз от дороги.

Я напрягаюсь.

— Что он сказал?

— Хотел узнать, видел ли я тебя. Сказал, что волновался.

Я тихо усмехаюсь, но улыбка выходит горькой.

— Он волнуется о себе, Кирилл. Не обо мне.

Сын коротко вздыхает, словно собирает в себе терпение.

— Мам, ты точно уверена, что хочешь развод? Может, стоит хотя бы… ну, вы всё-таки столько лет вместе.

— Кирилл, — перебиваю я мягко, но твёрдо. — Это не обсуждается. Я его люблю. До сих пор. Но я не могу это принять. Не могу снова доверять ему. И я не собираюсь ставить свою жизнь на паузу, чтобы ждать, когда он решит, что снова хочет быть верным.

Он молчит, а потом медленно кивает, будто наконец принимает мое решение.

— Хорошо. Тогда мы будем рядом. Ева, малыш… я… Мы все будем рядом.

Кирилл привозит меня к себе домой. В уютном загородном коттедже уже слышны тихие звуки телевизора и легкий смех: его жена Лиза и их маленький сын, мой внук. Я захожу внутрь, и меня тут же обволакивает тепло. Невестка выходит из комнаты с ребёнком на руках, улыбаясь мне.

— Привет, Марта. Как поездка?

Я обнимаю её, на мгновение чувствуя, как острота боли немного стихает.

— Привет, дорогая. Всё хорошо. Просто рада быть дома.

Она, похоже, хочет что-то сказать, но замечает мою усталость и только мягко улыбается.

— Мы с Кириллом приготовим чай. Садись, отдыхай.

Я опускаюсь на мягкий диван, и внезапно малыш, теплый и удивительно легкий, оказывается у меня на руках. Он улыбается, смотрит на меня огромными глазами, будто понимает всё, что я переживаю. Я улыбаюсь в ответ.

В этот момент понимаю, что ради таких моментов я буду продолжать идти вперёд. Несмотря на всю боль, несмотря на разбитое сердце, я найду силы. Ради Кирилла. Ради Евы. Ради этого маленького чудесного создания, которое так невинно смотрит на меня.

Я вдыхаю его лёгкий детский запах и понимаю, что теперь у меня есть новый смысл.

Ванечка начинает потягиваться у меня на руках, его крохотные пальчики сжимают воздух, и я чувствую, как сердце немного оттаивает. Это мгновение могло бы стать тихой передышкой в круговороте боли и беспокойства, но дверь в комнату распахивается так резко, что я почти вздрагиваю.

На пороге стоит Ева. Как всегда, яркая, шумная, будто её энергия заполняет всё пространство. Высокие сапоги, короткое пальто с блестящей фурнитурой, яркий макияж. Она буквально влетает в комнату, роняя сумку на пол и снимая шарф с таким видом, будто ей только что пришлось преодолеть пол-Москвы на своих двоих.

— Мам! — Она даже не здоровается, сразу подходя ко мне. — Мне срочно нужно, чтобы ты позвонила папе!

— Здравствуй, Ева, — устало отвечаю я, пытаясь сохранить равновесие с малышом на руках.

— Мам, у меня завтра тусовка! — ее тон становится почти капризным. — Папа сказал, что разблокирует карту, когда я повзрослею! Ты можешь, пожалуйста, решить это прямо сейчас? Я ему звонила, он трубку не берёт.

Она садится рядом со мной, глядя прямо в глаза с нетерпеливым выражением. В её взгляде нет даже намека на понимание, что у меня может быть что-то важнее её «тусовки».

Я медленно выдыхаю, чувствуя, как сердце сжимается от напряжения. Лиза с Кириллом заходят в комнату, явно почувствовав атмосферу. Лиза осторожно берёт малыша у меня, давая мне свободу, а Кирилл молча встаёт у стены, наблюдая за нами с легкой настороженностью.

— Ева, я не буду звонить папе, — говорю тихо, добавляя голосу твердости.

Она моргает, не понимая, как будто услышала не то, что ожидала.

— Почему? Мам, ну серьёзно, это всего пара минут, просто объясни ему, что мне нужно разблокировать карту.

— Потому что мы с папой разводимся, — отвечаю я прямо, без лишних объяснений.

Её лицо застывает, а потом начинает стремительно меняться: удивление, недоверие, замешательство.

— Что? — почти выкрикивает она, откидываясь на спинку дивана. — Это… это шутка, да?

— Нет, Ева, — вздыхаю. — Это правда.

Глава 9. Гордей

Сижу напротив Ольги, а та аккуратно пытается расставить тарелки на столе. Хотя это определенно лишнее, потому что никто из нас даже не притронулся к приборам. С момента встречи с Мартой уже прошло много времени, а я так и не озвучил ни решений, ни мыслей.

Паша сейчас в школе, что плюс, потому как не придется ни подбирать слова, ни придумывать, как смягчить. Свои же дела намеренно закончил сегодня, оставив часть вопросов на следующий приезд. Сейчас явно не это в приоритете.

— Огурчиков? — Ольга нервно подаёт голос, а я жму плечами, рассматривая эту женщину.

Она отличается от моей жены буквально всем: поведением, осанкой, улыбками, жестами. Марта она никогда не склоняет голову, Ольга же ходит, как говорится, на полусогнутых.

— Я хочу, чтобы ты понимала, — медленно и уверенно начинаю, а она тут же копошится, накладывает пюре, котлеты в тарелку: — Я не готов оставить жену.

— Да, да, — судорожно кивает: — Я помню. Ты говорил.

— Нет, Оль, даже при таком раскладе, я не отпущу Марту. Она та женщина, которая моя по предназначению, и никак иначе.

Вижу, как утирает уголок глаз и снова кивает.

— Я же знала, да? — неловко улыбается, и мне не остается ничего как подтвердить.

Позиция была озвучена с самого начала. Точнее с того момента, как она появилась, и до сей поры это не изменилось.

— Мой вылет завтра, не ищи, пожалуйста, разговоров и встреч. Я должен поговорить с женой. В беде я вас не оставлю, но на рожон лезть не нужно, Оля.

Она плачет, едва сдерживается, чтобы не показывать всю свою боль. Хватает мою руку и оставляет поцелуи на ней.

— Я подожду, Гордей…подожду. Ты ведь знаешь, я полюбила тебя уже чужого… кто в этом виноват, — пожимает плечами сквозь слезы, а я встаю и приобнимаю ее за плечи.

Разница как и в самих женщинах, так и в собственном отношении очевидна. Моя жена — это страсть, бурлящий океан противостояния, порой даже борьбы, сопряженной с любовью. И этот неистовый коктейль, ты просто не можешь без него, раз попробовав он нужен тебе в твоем личном баре.

Ольга — это какая-то такая простая обыденность, домашняя еда, никаких лобстеров и Моёт. И нет здесь страсти, это платоническое что ли, а может и вовсе, все благодаря Пашке.

Но вопрос в том, что обе женщины занимают какое-то место во мне. Тру лицо, пытаясь очистить разум от грузных мыслей, и все же не попрощавшись, выхожу из квартиры. Вернуться в тот номер, что снимала Марта глупо, потому что она уже уехала. Но поразмыслить прежде, чем появиться перед женой и рассказать всю правду — идеально. Признать вину, чтобы потом суметь перевести присяжных на свою сторону. Хотя, сейчас едва ли это кажется возможным.

Пока еду в служебной машине, слышу телефон и прикрываю глаза. Вот ведь неугомонная девчонка где.

— Пап?! — Ева верещит на весь салон: — Вы че совсем из ума выжили?! Меня высмеет вся компания!!!

Совершенно ничего не понимаю, пытаясь перестроиться в средний ряд.

— О чем ты, дочь?! — строгий голос намеренно, чтобы осознавала, что махануть двести тысяч меньше чем за три дня…мы не для этого с матерью горбатились всю жизнь.

— Мама сказала вы разводитесь! Вы че?! Во всей тусовке будут обсуждать!!!

Значит, уже и Еве рассказала. Глубоко вдыхаю, оценивая масштаб трагедии.

— Я прилечу завтра, сделай все, чтобы твоя мама была дома. Кирилла пока не трогай, мы сами все вам озвучим.

— Пап?! Ты сбрендил?! Она уже у Кира! Никуда она не поедет…и вообще о причине мне никто не говорит! С чего вдруг?! Вы всю жизнь вместе!

Ева канючит, как маленькая, а я до сих пор не понимаю, где в ее воспитании мы допустили ошибку. Но, козыри ведь у тех, у кого власть, мать ее. Чертова бюрократия.

— Еще раз. Ева, у тебя очень простая задача, если ты хочешь, чтобы твой счет вновь был активен.

— Блин! — слышу как матерится: — Окей, пап! Но вы все нам расскажете!

Грозно бросает в трубку и отключается, а я думаю, что если я расскажу все и им, то они без зазрения совести от меня отвернутся.

Глава 10. Марта

В доме тепло, уютно пахнет свежей выпечкой и жареным мясом. Большой стол накрыт светлой скатертью, на которой стоят яркие тарелки и стеклянные бокалы для шампанского и стаканы для сока. Лиза, как всегда, старается, чтобы всё было идеально.

Её родители приехали заранее, с букетом цветов для Лизы и коробкой игрушек для Вани. Владимир и Ирина — люди простые, доброжелательные. Владимир, высокий мужчина с сединой в висках, громко смеётся над чем-то, что только что сказал Кирилл, а Ирина трепетно держит Ваню на руках, словно боится его уронить.

— Лиза, ты только посмотри, какой он у вас смышленый! — восторгается Ирина, вглядываясь в лицо малыша. — Так внимательно смотрит!

Лиза улыбается и ставит на стол очередное блюдо.

— Мама, это он просто обед хочет. Ему сейчас всё кажется интересным, особенно еда.

Мы сидим за длинным столом, уютно расставленным в просторной столовой. Через окна виден снег, укрывший окружающий дом лес, и серое зимнее небо.

Кирилл садится рядом со мной, хлопает меня по плечу.

— Мам, ты чего такая серьезная? Сегодня же праздник. Улыбнись.

Я пытаюсь выдавить улыбку, но она выходит слабой.

— Всё хорошо, Кирилл, — говорю я. — Просто думаю.

— Ну ты и думай, но помни, что у тебя внук самый лучший, и это главный повод для счастья.

Кирилл подмигивает, и я не могу удержаться от легкого смешка. Он всегда умел подбодрить меня.

— За нашего Ваню! — громко объявляет Владимир, поднимая стакан с компотом.

— За Ваню! — вторят все, включая меня.

Но как только звучит звонок в дверь, атмосфера резко меняется. Мы все оборачиваемся к прихожей, и Лиза бросает быстрый взгляд на Кирилла.

— Ты кого-то звал? — спрашивает она, вытирая руки о полотенце.

— Нет, — отвечает он, поднимаясь. — Сейчас посмотрю.

Я отворачиваюсь, не придавая этому значения, но голос, который раздаётся через мгновение, заставляет меня застыть.

— Здравствуй, Кирилл.

Этот голос я узнаю сразу. Гордей.

Я ставлю стакан на стол и пытаюсь дышать ровно. Зачем он здесь? Почему он пришёл?

— Что ты здесь делаешь? — голос Кирилла становится резким.

— Я хочу поздравить внука, — отвечает Гордей. Его тон ровный, но я знаю его слишком хорошо, чтобы не почувствовать напряжение. — И поговорить с твоей матерью.

— Ты в своём уме? — Кирилл понижает голос, но гнев в его словах явно слышен. — Сейчас не время.

— Кирилл, пожалуйста. Мне нужно поговорить с ней.

— Ты уже всё сказал, — отвечает сын. — Если бы ты не был моим отцом, я бы тебе давно морду набил.

Я сжимаю руки под столом, чувствуя, как напряжение нарастает. Всё это происходит в каких-то шагах от меня, но я не могу двигаться.

Кирилл возвращается в столовую, его лицо темное от раздражения.

— Мам, он хочет тебя видеть, — говорит он тихо.

— Гордей? — спрашивает Лиза, растерянно смотря на мужа.

— Лиза, я разберусь, — отвечает Кирилл.

Я поднимаюсь, чувствуя на себе взгляды всех за столом. Лиза пытается что-то сказать, но я поднимаю руку, останавливая ее.

— Всё хорошо. Я выйду на минуту.

Я выхожу на крыльцо, скрестив руки на груди, как будто это может защитить меня от холода — или от его слов. Небо над нами серое, тяжёлое, снежинки медленно кружатся в воздухе, оседая на перилах и моих волосах. Гордей передо мной, высокий, слегка сутулый, в пальто, которое я сама когда-то выбрала для него. Сейчас оно выглядит словно чужое, как и он сам.

— Марта, — начинает он, его голос мягкий, почти умоляющий. — Спасибо, что вышла.

— Что ты здесь делаешь, Гордей? — спрашиваю я, скрещивая руки на груди.

— Я приехал поговорить. Мне нужно, чтобы ты выслушала меня.

— Я уже слышала достаточно, — отвечаю я, чувствуя, как во мне закипает гнев. — Что ты хочешь? Извиниться? Сказать, что это была ошибка?

— Да, я понимаю, как это выглядит со стороны! — его голос становится громче, но в нём слышно отчаяние. — Марта, я не оправдываю себя. Но я запутался.

— Запутался? — я почти смеюсь, но это горький смех. — Гордей, ты не мальчик. Ты взрослый мужчина, и ты знал, что делаешь. Ты ведь осознанно решил завести другую женщину…

Он делает шаг ближе, но я отступаю.

— Она ничего не значила для меня, Марта, — начинает он, срывающимся голосом. — Это был сложный момент, я потерял себя. Но ты… ты моя семья, моя жизнь.

Его слова ударяют как лед в лицо. Я поднимаю глаза на него, стараясь, чтобы мой взгляд был холодным, как этот зимний воздух.

— Семья? — повторяю я, и мой голос звучит почти шёпотом, но в нём слышится сталь. — Семья не предаёт. Гордей, ты разрушил всё, что мы строили.

Он делает еще шаг ближе, будто хочет коснуться моей руки, но я отступаю, отстраняясь, любое прикосновение способно сломать мой хрупкий контроль.

— Я могу всё исправить, — он говорит торопливо, а в глазах мелькает отчаяние. — Дай мне шанс.

— Исправить? — разрезаю воздух словами, как нож. — Ничего не исправить, Гордей. Ты предал меня, предал детей. И для меня это конец.

Он опускает плечи, словно удар, нанесённый моими словами, лишил его сил. Его глаза, всегда такие уверенные, сейчас полны боли, но это боль не способна меня тронуть.

— Марта, ты… ты всё для меня. Тридцать лет вместе… Ну же, девочка моя, посмотри на меня. Я всё тот же твой Гордей.

— Ты для меня уже никто, — говорю я тихо, хотя внутри все скручивается в тугой узел, а сердце словно хочет вырваться наружу.

Он вздрагивает, о виду не подает… Я знаю, что бью прямо в цель. И делаю это намеренно. Пусть ему будет больно, как мне. Пусть хоть на секунду почувствует… Насколько эта боль разрушает.

— Хорошо, — отвечает он, кивнув. Его голос глухой, словно он говорит сам с собой. — Но я всё равно буду рядом. Для тебя. Для детей. Даже если ты этого не хочешь.

Отворачиваюсь, глядя на покрытую снегом дорожку, ведущую к его машине. Я больше не могу смотреть на него.

Гордей делает несколько шагов к машине, но вдруг оборачивается. Его взгляд скользит по мне — по моему лицу, плечам, скованным от холода, по моим рукам, которые всё ещё сжимаются в попытке удержать тепло. Этот взгляд обжигает сильнее ветра, он полон того, что он не может сказать.

— Поцелуй внука за меня, Марта, — говорит тихо, но звучит чётко, — И скажи детям, что я их люблю.

Мотаю головой, заходя обратно внутрь дома. Еще несколько дней назад мы ласково говорили друг другу слова о любви по телефону и обсуждали, что подарим Ванечке.

Он шутил, что купит ему хоккейную форму, а я смеялась и говорила, что сначала пусть научится ходить. Мы были вместе. Мы были семьёй.

А теперь главы этой семьи нет за общим столом. Он выбрал другую. И сколько бы он ни твердил, что она "ничего не значила", я знаю — значила. Ее присутствие разрушило всё.

Я вытираю глаза и возвращаюсь в гостиную. Лиза что-то говорит родителям, Кирилл возится с Ваней, заставляя его весело агукать. Я сажусь за стол, беру в руки стакан воды и делаю глоток. Мне нужно быть сильной. В первую очередь для себя.

Глава 11. Гордей

Машина гонит под двести, печка в салоне топит на максимум, но теперь уже ничто не способно согреть меня. Я потерял ту женщину, о которой когда-то мечтал. Просрал так глупо, потому что в какой-то момент, черт возьми, поддался гребаной слабости.

И нет мне оправданий, осознаю. И внука не увидел, и запах его не вдохнул, в глаза не взглянул. Потерял то единственное, что стоит всех благ этого мира.

Марта права, семья не предает.

С силой тру лицо и звоню своему подопечному по громкой связи.

— У меня развод планируется, пока не нужно афишировать, я сам дам знать когда и как можно будет освещать. — в голову мысли совершенно не лезут, только лишь ее острый ледяной взгляд перед глазами: — Подключи всех, кого можно.

— Может быть стоит пустить какую-нибудь утку? — тут же выдает свои умозаключения протеже.

— Проблемы со слухом, Матвей?? — грозно шиплю в трубку.

— Простите, молчу, все сделаю.

— Если только одна живая душа прознает, первой я избавлюсь от твоей головы.

Отключаю телефон нажатием кнопки на руле, и шумно выдыхаю, приоткрывая окно. Дышать будто нечем, словно колючая проволока сдавливает горло, то ли изнутри, то ли снаружи.

Так, в сейфе моего кабинета около двух миллионов наличными, нужно оставить ей код на всякий случай. Плюс не мешало бы вывести с нескольких счетов деньги, чтобы перекинуть их на ее счет.

Она у меня хоть декан и в сфере образования имеет вес, но вдруг захочет отдохнуть где, а у нее около пятиста тысяч может еле наберется. Евин счет еще заблокирован, она с задачей не справилась, да и полагаю, что вряд ли она захочет со мной говорить, вспоминая реакцию сына.

Хотел бы я с ним поговорить, объяснить, или хотя бы найти толику понимания, но пока рано. Нельзя сейчас переть танком туда, где только что произошел взрыв, нужно выждать и понаблюдать. А выбрав более комфортный для всех момент, наконец, выговориться.

Очень хочу верить, что у меня получится.

Когда только Марта позвонила с того злосчастного отеля, даже ведь и мысли не возникло, а как узнала, почему приехала…просто в момент обухом по голове, что все тайное всегда становится явным. И я за свои годы уж это не единожды видел. Может даже отчасти, я ждал, когда это случится, потому что у самого духу не хватило?

Впрочем сейчас можно говорить, что угодно…все эти слова все равно не вернут мне мою семью. Телефон загорается уведомлением от помощника, а глаза застывают на нашей общей фотографии с того года.

Это мой день рождения, мы во дворе нашего дома. Накрыт шикарный стол со всяческими деликатесами, я сижу во главе стола, Марта у меня на руках, а по бокам наши дети. С одной стороны Ева с каким-то из сотни своих ухажеров, а с другой Кирилл и Лиза с совсем крошечным Ванечкой. Мы все улыбаемся в кадр, и выглядим непобедимыми в своем счастье. Но нет, уже даже на тот момент виновник торжества собственноручно его и сломал.

Останавливаю машину на обочине, а сам набираю по громкой абонента, которому велел не отсвечивать. Только теперь звоню ради того, чтобы окончательно поставить точку.

— Гордей, — с придыханием звучит голос Ольги, — А мы как раз тебя вспоминали...

— А это зря, — грубо вырывается из меня, и я слышу как Ольга отправляет Пашу в комнату.

— Ты в плохом настроении? — снова осторожничает, хотя другая на ее месте, уже давно бы все поняла.

— Квартиру можешь продолжать снимать, я помогу, — выдаю механическим голосом: — Если нужны будут лекарства, врачи — тоже решу, это не проблема. В остальном, мы закончили, Ольга.

Слышу, как женщина там всхлипывает, и коротко шепчет единственное нет. Но сейчас, находясь тут, это не вызывает даже жалость, а скорее некое раздражение. Слова я женат были озвучены с самого начала, теперь уже, едва ли они имеют смысл.

— Я подожду, я ведь говорила, милый, — всхлипывает она, а я закрыв глаза, откидываюсь на подголовник.

— Оля, ты не дождешься. — высекаю грубо, но иначе не донесешь.

Моя жена всегда говорила, либо пластырь снимаешь так резко, что это движение незаметно глазу, либо не снимаешь вовсе.

— Гордей, мы столько всего…нам ведь было хорошо, спокойно, тепло, — и в какой-то степени она не лжет.

— Ключевое, что это было, когда у меня была жена, Ольга. Сейчас, я не хочу говорить тебе обидные слова, давай сделаем по-взрослому, — наконец, пытаюсь чуть смягчить удар.

— По телефону? Может быть ты хотя бы приедешь…взрослый бы так…

— Оль-га. — чеканю по слогам: — Не перегибай. Перед отъездом тебе было сказано. Сейчас я удостоверился лишь в том, какой выбор делаю. И этот выбор - не ты.

Слышу ее рыдания, но и бросить трубку как последняя скотина не могу.

— Если что-то понадобится, я отправлю номер моего сотрудника. — добавлю в конце, а она только скулит пуще прежнего: — И прошу, не драматизируй. Мы оба знали, что это не вечно.

Последнее, я даже с ноткой усмешки добавляю. Ведь ее первые слова были, что она готова к этой жизни. К жизни в тени, к скрытности и к отсутствию обещаний. Выходы, и те, раз в пятилетку, когда фокус внимания общественности совершенно на других, более глобальных вещах.

— Я…— шмыгая носом наконец она озвучивает: — Очень сильно полюбила тебя, Гордей. На свою беду.

Она сбрасывает звонок, а я с пару секунд помедлив вновь завожу двигатель и выезжаю обратно на трассу. Теперь надо дать воздух своей жене, поживу пока в квартире в центре.

Глава 12. Марта

Телефон на кухонном столе вибрирует, разрывая густую, почти ощутимую тишину. Я лениво бросаю взгляд на экран и замираю: незнакомый номер. Сердце словно замедляет ритм, а потом начинает биться быстрее. Интуиция холодной волной пробегает по спине, предупреждая, что этот звонок изменит что-то. Что-то важное. Я медлю, пальцы застывают над экраном, но, будто под гипнозом, всё-таки принимаю вызов.

– Алло? – мой голос звучит ровно, но в нём слышится осторожность.

На другом конце линии секунду молчание, наполненное странным напряжением, словно невидимая рука сжимает воздух вокруг. Наконец, раздается голос – тихий, мягкий, но с лёгкой хрипотцой, в которой сквозит нервозность.

– Марта? Это Ольга, – произносит она.

Меня пронзает странное чувство – смесь изумления, злости и боли. Это невозможно.

Это она. Это женщина моего мужа.

Я не отвечаю, лишь крепче стискиваю трубку, надеясь, что молчание заставит её положить трубку и больше никогда сюда не звонить.

Но она продолжает, словно чувствует, что должна торопиться:

– Мне нужно поговорить. Пожалуйста, выслушай. Это важно.

Эта нахалка с легкостью переходит на “ты”... Словно то, что она делила постель с моим мужем развязывает ей руки.

Её голос дрожит, будто на грани слез, но меня это не трогает. Скорее раздражает своей жалостью. Я глубоко вздыхаю, чувствуя, как внутри нарастает ярость.

– Ты думаешь, у тебя есть право мне звонить? – мои слова холодны, как лёд, но внутри бушует пожар. – Как ты вообще посмела?

– Я знаю, что не должна... – она запинается, её дыхание становится неровным. – Но это касается Гордея. Я... я, он собирается уйти от меня. Чтобы вернуться к тебе.

– И ты думаешь, что меня это интересует? – шиплю я, как раненый зверь, выпуская всю накопленную боль наружу. – После всего, что вы сделали?

Ее молчание на мгновение даёт мне почувствовать власть, но я знаю – это ещё не конец.

Тишина. Затем Ольга почти шёпотом добавляет:

– Он не говорит со мной. Я вижу, что он изменился, он... Я просто хотела, чтобы вы поговорили с ним. Он сильно переживает.

Я почти смеюсь. Гордей переживает? Эта женщина всерьёз хочет, чтобы я утешила его после всего?

– Ты смеешь просить меня помочь? Ты, которая разрушила мой брак, – я резко перебиваю этот словесный понос. – Как ты вообще смеешь?

– Потому что я люблю его! – выкрикивает Ольга, но сразу же смягчает тон. – Я знаю, как это звучит. Я знаю, что виновата. Но, Марта, я тоже страдаю.

Эти слова заставляют меня вздрогнуть. Едва удается сдерживать гнев.

– Ты страдаешь? – мои губы изгибаются в горькой улыбке. – Ты даже не представляешь, что такое страдание…

– Это всё не так просто! – отчаянно восклицает. – Я не прошу прощения, но подумайте... как Паша будет жить без отца?

На секунду теряю нить разговора. Замираю. Тело каменеет.

– Кто? – спрашиваю ледяным почти безжизненным голосом.

– Паша. Наш сын. Ему уже четырнадцать лет. Вы понимаете? Он подросток. Ему нужен отец, мальчики в его возрасте больше слушаются пап, чем мам… – торопливо добавляет Ольга.

Эти слова разрывают мое сознание, как удар молнии. Четырнадцать лет? Я мысленно возвращаюсь на десятилетие назад, в то время, когда я ещё считала нашу жизнь с Гордеем счастливой. Он предавал меня уже тогда? Всё это время?

– Четырнадцать... – тихо повторяю я, чувствуя, как в груди поднимается волна ужаса и гнева. – Ты хочешь сказать, что он был с тобой все эти годы? Что у вас есть сын?

– Я... – она понимает, что сказала лишнее, и запинается. – Я думала, вы знали.

Она врет. Мне не нужно знать ее близко, чтобы быть в этом уверенной.

– Я ничего не знала! – мой голос разрывает тишину. – Ничего. Ты думаешь, что я бы терпела это?

Она молчит, а я ощущаю, как меня захлестывает эмоция за эмоцией: ярость, боль, унижение. Всё, что я построила с Гордеем, оказывается разрушено уже много лет назад.

– Марта, – тихо произносит она, – Мне жаль.

– Не смей, – резко перебиваю я. – Даже не смей произносить эти слова. Не тебе жалеть.

На секунду на том конце снова тишина. Затем она тихо говорит:

– Я просто хочу, чтобы вы понимали. Всё не так просто.

– Нет, Ольга, всё как раз просто. Ты – любовница моего мужа. А я – его жена.

– Но он вас любит! – выкрикивает она, неожиданно оживившись.

– И это ты говоришь мне? – я смеюсь, снова холодно. – Ты думаешь, это поможет?

Она снова замолкает, и я пользуюсь этим моментом, чтобы закончить разговор:

– Не звони сюда больше. Никогда.

Бросаю трубку, глядя на экран телефона. Руку обжигает, а собственный смартфон выглядит ядовитым. Меня трясет. Четырнадцать лет. Он врал мне четырнадцать лет.

Чувство предательства накрывает, как волна. Я сажусь на стул, стараясь отдышаться, но воздух будто пропадает.

Четырнадцать лет.

Я прожила в неведении почти половину нашей семейной жизни. Когда у него появился сын, Еве всего было четыре года.

Глава 13. Марта

Ощущение, что я застыла. Остановилось будто все внутри, и непрерывно только изумление все нарастает и нарастает. В остальном, все эмоции в глухом черном ящике. Как у мужчин: есть коробка с важным, есть коробка с нужным, а есть всякий хлам, по типу где хранятся специи, откуда в доме берутся полотенца…Вот все мои эмоции сейчас в хламе. Намеренно и принужденно.

Смотрю на высотку из окон автомобиля, знаю, что он дома, потому что заехала в паркинг и посмотрела наличие его машины. И сейчас я хочу лишь одного. Посмотреть в глаза подонку, который столько лет унижал меня, нас, предавал и даже не думал останавливаться…

Господи… Как такое возможно?

Он ведь в Еве души не чаял, да, с ней всегда были няни, и это наша общая ошибка. Но мы старались дать понять девочке, что любим ее. Однако, все же у нас не вышло. Отчасти, именно я чувствую себя виноватой в том, что упустила ее. Тогда работа была ключом, повышение с обычного преподавателя. Ответственность, вход в отдел образования, я горела тем, чтобы передать студентам свою тягу к знаниям…и с задачей я справилась, только авторитет у дочери так и остался иллюзией.

Вылезаю из машины медленно, будто не иду сейчас по горящим углям собственной жизни. Нажимаю на брелок, фары быстро моргают в знак блокировки дверей, а я подхожу к подъезду. Ключи уже в руке и я прикладываю их, открывая себе дорогу в ад.

Здороваюсь с консьержем, приятной женщиной лет шестидесяти, она желает мне хорошего дня, и озвучивает, что хозяин уже дома. Киваю ей с вежливой улыбкой и подхожу к лифтам. Нажимаю кнопку семнадцатого этажа, а глаза буквально залипают на цифре четырнадцать.

Это число, как какой-то код преследует меня сегодня, как ни взгляну на часы, там это число. Проезжая на машине, глаза четко цеплялись только за эти цифры на домах.

Лифт останавливается, и я медленно ступаю в холл.

Мы купили здесь квартиру давно, нужно было вложить деньги, а дом с закрытой территорией и бизнес-класс по высшему разряду, есть выход на крышу с собственным залом и бассейном. Правда планировали отдать ее Еве, но пока это даже не обсуждается из-за ее образа жизни и поведения.

Встаю у дверей и равнодушно смотрю на ключи. Но сейчас мы уже совсем не те, кем были раньше, а потому дистанция между нами - это то, что теперь неотъемлемо.

Нажимаю на звонок, и жду, когда, наконец, дверь откроется.

— Марта?! — как только он видит меня, даже улыбка проскальзывает на некогда любимом лице: — Почему не открываешь ключом? — изумляется, будто все в порядке, будто он не скрывает от меня ужасающую и шокирующую правду: — Проходи, пожалуйста.

Гордей в домашних брюках и майке, а на журнальном столике гостиной разложены папки и гаджеты. Работает…

Вчем, в чем, а в его ответственности и умении не откладывать сложные задачи на потом, я убеждена. Только вот с одной задачей, как мне казалось, самой важной, он абсолютно точно не справился.

— Хочешь чего-нибудь? — он тут же суетится, пока я медленно стучу каблуками по кафелю, следуя за ним: — У меня правда выбор невелик…

Он лазает по шкафчикам, я вижу это благодаря арке, ведущей на кухню, а я останавливаюсь в середине проема.

— Четырнадцать лет, Зарудный, ты водил меня за нос…— голос словно треск старых веток: — Ты не просто утратил мое доверие, Гордей… Ты, буквально, осквернил мою душу. — позволяю себе слезу, но все еще держу голову высоко.

Он замирает, так и стоя спиной, а затем медленно поворачивается качая головой.

— Родная…нет.

— Я так верила в тебя, Гордей…больше чем в себя, — добавляю шепотом и с горькой улыбкой разочарования: — Попрошу тебя об одном, сделай напоследок единственную правильную вещь… Озвучь своей второй семье, чтобы моей семьи они никогда в жизни не касались. Никогда, слышишь?

Он характерно матерится в ответ, и ударяет кулаком по столешнице. Но мне уже плевать на эти выпады.

Я посмотрела в его подлючие глаза, и кроме вины и ничтожности больше ничего не увидела. Мне достаточно.

— Черт! Марта! — он двигается на меня, но я выполнила долг перед самой собой, поэтому разворачиваюсь на выход: — Выслушай! Все не так, клянусь!

Тяжело цокаю каблуками словно сама в себе оставляю отметины, чтобы больше никогда не быть связанной с этим человеком.

Глава 14. Марта

Просыпаюсь от звука дверного звонка. Часы показывают восемь утра. Кто-то слишком настойчиво нажимает кнопку, и я поспешно накидываю халат.

Открываю дверь, и передо мной стоит курьер с огромным букетом цветов. Белые лилии. Их аромат тут же заполняет пространство, вызывая у меня странное смешанное чувство — тёплые воспоминания о том, как Гордей дарил мне их в первые годы наших отношений, и холод от осознания, что это всё давно в прошлом.

— Вам доставка, — говорит курьер, протягивая букет и конверт.

Я молча принимаю его. Даже спрашивать, от кого это, не нужно.

Закрыв дверь, ставлю букет на кухонный стол. Он занимает почти всю его поверхность — цветы явно дорогие, идеально подобранные. Я открываю конверт. Внутри письмо с четким, аккуратным почерком Гордея:

"Марта,

Я знаю, что совершил ошибку. Я готов сделать всё, чтобы загладить ее. Ты для меня всегда была самым дорогим человеком, и я хочу это доказать. Дай мне шанс. Я борюсь за нас.

Твой Гордей."

Я долго смотрю на эти слова. Сколько лет он называл себя моим? Сколько лет я верила, что он действительно мой, что мы едины? И вот теперь, после всего, он думает, что может всё исправить цветами и несколькими строками?

Смахиваю письмо на стол, вместе с ним падают лепестки. Цветы пахнут сладко, но мне хочется открыть окно, чтобы избавиться от этого аромата.

Ближе к полудню приезжает Кирилл. Он заходит в дом с пакетами еды, которые купил по дороге. Я вижу, как его взгляд тут же падает на букет.

— Это от него? — спрашивает он, не глядя на меня.

— Да, — отвечаю, убирая со стола кружку, чтобы он мог поставить пакеты.

Кирилл берет письмо, читает его быстро, почти вырывая слова глазами. Потом швыряет конверт обратно на стол.

— Он серьёзно? Думает, что это что-то изменит? Цветы? Буквально?

— Он пытается… — начинаю я, но Кирилл резко перебивает:

— Он пытается спасти собственную задницу, мама. А не семью.

Я знаю, что он злится, но его резкость всё равно меня задевает.

— Кирилл, — говорю я мягче, — не нужно так.

— Почему? Потому что он мой отец? Потому что он "всё осознал"? Он тебя предал. Он предал нас всех.

Его слова словно ударяют в самое сердце, но я знаю, что он прав.

— Я уже всё решила, сынок, — говорю твёрдо. — Никакие букеты, никакие извинения этого не изменят.

Сын кивает, но в его глазах я вижу то же разочарование, которое я чувствую. Он не говорит ничего, правда его поддержка для меня важна. Он не требует от меня прощения, не задаёт лишних вопросов. Он просто здесь, рядом, и это помогает мне.

В этот момент, когда я снова сосредотачиваюсь на букете, слышу звонок телефона.

Он слишком хорошо знает мои привычки. Как я начинаю утро и во сколько. Звонит точно по часам.

— Привет, — говорит он первым, его голос словно медленно обвивает меня, холодными пальцами сжимая горло. Я чувствую, как эти слова растекаются внутри, словно ядовитая змея,

не давая мне сделать ни вдоха, ни выдоха. — Я хочу поговорить с тобой. Я прошу, давай встретимся. Только ты и я. Без давления. Мне нужно сказать тебе то, что я думаю.

Я зажмуриваюсь, словно пытаюсь укрыться от него, но его голос проникает сквозь барьеры, которые я так старательно строила. Сердце сжимается до размеров крошечной, едва ощутимой точки, но стучит так, будто бьется о кости. Он снова тянет меня за собой, в ту бездну, из которой я пыталась выбраться.

— Здравствуй, — отвечаю я, удивляясь собственной твердости. Этот голос внутри меня — это точно мой? Тот, который я боялась потерять? — Для чего лишние встречи, Гордей? Развод я дам, скандал устраивать не стану. Не в моих правилах держать человека, который уже давно хочет уйти.

— Да, Марта, — его голос трещит, как разбитая пластинка. — Пожалуйста, дай мне шанс. Я хочу объяснить детям, что я не отказываюсь от вас. Я хочу всё исправить. Я хочу, чтобы мы были семьёй.

Снова это «хочу». Так много его желаний, как будто мир — это список его запросов. Я стискиваю зубы, чувствуя, как гнев растет во мне, медленно заполняя пустоту, оставленную болью.

— Слишком много твоих “хочу”, Гордей, — слова вырываются с холодной насмешкой. — Думаешь о себе? Жаль только, что когда ты завел другую женщину и сделал ей ребенка, ты ни на секунду не подумал обо мне и о наших детях.

В трубке тишина. Та самая тишина, которая давит сильнее любых слов. Потом он выдыхает, будто отпускает груз, который тянул его вниз.

— Накричи на меня. Скажи, что я мудак. Гондон. Урод.

Я почти смеюсь. Этот смех хрупок, как стекло, но в нем столько сарказма, что он, кажется, режет воздух.

— Ты и так это знаешь, Гордей. Вряд ли мои слова что-то изменят.

Выдыхаю медленно, стараясь удержать голос ровным, хотя внутри меня бушует ураган.

— Послушай, я хочу только одного: чтобы мы развелись без грязи. Без театра. Попроси свою женщину не устраивать лишних сцен и не высовываться, пока у нас не будет свидетельства о разводе. Это важно не только для тебя. Я своим местом тоже дорожу. И своей репутацией.

Он торопливо отвечает, будто боится, что я повешу трубку.

— Она не будет ничего вытворять. Клянусь.

— Ты наивен, дорогой. — Я усмехаюсь, но в этой усмешке больше горечи, чем радости. — Она уже вытворяет то, что хочет. Женщина, которая звонит законной, пока еще, жене своего любовника… Поверь, она куда смелее и наглее, чем ты думаешь.

На мгновение я закрываю глаза, пытаясь прогнать усталость.

— И еще одно, Гордей. Не нужны цветы, подарки, твои попытки загладить вину. Они — только лишнее напоминание о том, чего я не хочу больше терпеть.

Глава 15. Гордей

Тишина давит на барабанные перепонки так, будто на ушах наушники с битами громкой, раздражающе-неприятной музыки. В кабинете пахнет деревом, стерильностью, и канцелярией. Запах, который кажется уже приелся ко мне. Но сегодня мне наплевать, никаких совещаний, никаких советов и отчетов, сегодня огромные дубовые двери закрыты на ключ изнутри.

А я за этим огромным столом, сидя под флагом страны пытаюсь придумать, как спасти жизнь, которая буквально ускользает из моих рук. Она уходит вместе с той, кто питал меня энергией, только ценить я это начал слишком поздно.

Адски скучаю по ней. Невозможно спать, есть… мыслить. Пустота, что растет внутри с каждым днем она отравляет, ядом заливая вены. И нет противоядия, потому что я сам себе не оставил выбора.

Вздыхаю, вставая к мини бару кабинета, и наливаю немного виски. Легче не станет, но затмит это желание лезть на стены и выть. Знаю, что и ей больно, но она оказалась крепче, чем я сам.

Как-то слышал одну историю от коллеги по цеху, точнее его историю возвращения к себе после развода. Мужик потерялся и откровенно страдал, не так громко как это способны делать женщины, а тихо и болезненно истощался, исчезал можно сказать. Не представлял своей жизни без жены. Ему потребовалось два года для того, что вновь обрести лицо, научиться радоваться и воспрянуть духом.

А я не хочу этого всего без нее. Не нужна мне эта жизнь без моей семьи.

Беру телефон в руки, и открываю свое последнее сообщение, смотрю ее профиль с фотографией, где она ведет одну из своих лекций.

Яркая, влюбленная в свое дело, настоящая женщина с большой буквы.

Воображаю, как касаюсь ее лица и качаю головой. Как вывести ее на разговор, чтобы объяснить? Я виновен, безусловно, но не все эти четырнадцать лет, черт возьми. Там же Ева совсем маленькой еще была…

Марта, душа моя, прошу, ты ведь знаешь меня, как облупленного…

Залпом допиваю остатки напитка, и снова берусь думать о том, как могу решить свою ситуацию. Вариантов несколько, и каждый из них несет в себе потери. Однако, для себя я важное уже понял, что я не готов терять ее.

Набираю цифру пять на рабочем телефоне.

— Гордей Михайлович, — тут же раздается в трубке.

— Все готово? — прокашливаюсь и спрашиваю.

— Нужен один час…

— Жду.

Отключаю звонок, и вижу, как мобильный загорается уведомлением. Тянусь рукой, но не открываю.

“Я хотела сказать, что мы сходили ко врачу, сейчас все анализы в порядке…”

Слова Марты так и сидят в голове после утреннего звонка…и если откровенно, я хоть и идиот для жены, но не тупой. Поступок Ольги крайне неприятен, не только потому что она осмелилась позвонить моей жене, а потому что донесла совсем не ту версию, которая есть по факту. За это и получила, отчего теперь отчитывается по смс..Хотя ведь ясно сказал, что все вопросы через Матвея.

Если не хочет понимать по-хорошему, то поймет по-плохому.

Беру телефон, и ищу номер контакта, с которым надо бы встретиться и поговорить наедине.

— Сын, — как только слышу глухое ало Кирилла озвучиваю: — Прежде, чем ты скажешь, что не хочешь говорить со мной, я прошу тебя о встрече.

Кирилл молчит, и знаю, что взвешивает все за и против. На само деле я горжусь им, то, как он поддерживает мать, как готов ее защищать вызывает лишь восхищение лучшей версией себя. Еще бы Ева немного включилась и перестала творить всякую ерунду, тогда мы бы с Мартой полностью увидели результат того, что сотворили лучшее на этом свете.

— Отец, я не готов, правда. Мне хочется тебе… — он замолкает и слышу тихий мат по ту сторону трубки.

Это вызывает какую-то глупую улыбку, я абсолютно точно не готов терять свою семью.

— Я с достоинством выдержу твои претензии, оскорбления и прочее, потому что знаю, что ты прав, Кир, — озвучиваю уверенно и твердо: — Но я хочу, чтобы ты услышал историю. Она местами будет тебе неприятна, возможно тебе захочется мне врезать пару раз, но нельзя основываться только на том, что считает один человек…Тогда бы у нас тут была настоящая вакханалия в законах, согласись?

— Ха, — он усмехается, но я уже чувствую немного тепла: — А разве там не вакханалия?

— Мы усердно стараемся ее сдерживать, сын… — говорю правду, потому что сверху действительно иногда приходит такое, от чего седеют последние волосы.

— Ладно, я могу сейчас, ты у себя? — принимает со скрипом, но все же дает мне зеленый свет.

—Да.

— Буду через минут двадцать, я тут в центре, — отключаю телефон, немного воспрянув духом.

Это будет болезненный разговор для нас обоих, тем не менее, станет легче, если я объяснюсь сначала хотя бы с сыном, Марта ведь позже все равно узнает. Даже если не захочет говорить со мной.

Глава 16. Гордей

Сижу в своём домашнем кабинете, облокотившись на массивный стол. Фотография Марты стоит передо мной — черно-белый снимок с её улыбкой, полной жизни и тепла. Черно-белый снимок, который она терпеть не может, потому что, по ее словам, на нем она выглядит слишком серьезной. А для меня этот снимок — напоминание о том, кто она есть: мой компас, мой свет, моя семья. И всё, что я сделал, превратило ее жизнь в хаос.

Кирилл должен прийти с минуты на минуту. Я знаю, что он злится, и не жду от этого разговора лёгкости. Но мне нужно, чтобы он выслушал меня. Не потому, что я ищу прощения — я знаю, что его не заслужил. Я просто хочу объясниться.

Дверь открывается, и он входит без стука, сжимая плечи. Открыл своими запасными ключами.

Его взгляд тяжелый, а шаги твёрдые, словно он готов к сражению.

— Я здесь, — говорит он коротко, садясь напротив меня.

— Спасибо, что пришёл, — начинаю я, но он только качает головой.

— Давай ближе к делу. У меня мало времени.

Я глубоко вздыхаю.

— Кирилл, мне нужно, чтобы ты выслушал меня. Вся эта ситуация с Ольгой… она началась намного раньше, чем ты думаешь.

Он хмурится, но ничего не говорит. Я продолжаю, стараясь удерживать голос ровным.

— Это было, когда меня только перевели в Питер. Я получил должность, ты помнишь. Это был важный шаг для нашей семьи.

— Помню, — отвечает он. — Тогда ты начал жить на два города.

— Да, — киваю я. — В первый месяц меня позвали на корпоратив. Я плохо знал коллектив, хотел вписаться, показать, что я свой человек.

Кирилл молчит, но в его взгляде читается напряжение.

— Я перепил. Глупо, неосторожно… и проснулся утром не у себя.

Он резко выдыхает, его пальцы стискивают подлокотник стула.

— Не у себя? — повторяет он, глядя на меня, как на чужого.

— У неё, — отвечаю я. — Это была Ольга. Тогда она работала секретаршей в администрации. Молодая девушка, провинциалка, которую устроила её тётка по знакомству. Она была… совсем молодая. Я даже не помню, как это произошло.

— Ты это серьезно сейчас? — в его голосе звучит презрение. — Ты хочешь сказать, что это была просто ошибка? Ночной трах, который привел… вот к этому?

— Да, Кирилл, — повторяю твёрдо. — Это была ошибка. Я сам был в шоке от того, что произошло.

— Тогда почему ты продолжил? — он бросает вопрос, как камень. — Почему она снова появилась в твоей жизни?

Я сжимаю руки в кулак, чтобы удержать себя от волнения.

— Она ушла из администрации почти сразу после этого. Я больше не видел её… много лет. А потом, когда Паше было почти десять, она нашла меня. Сказала, что у нас есть сын.

— И ты сразу поверил? — перебивает он, нахмурившись.

— Нет, — говорю я честно. — Я проверил всё. Анализы подтвердили.

— И ты решил, что можешь просто взять на себя ответственность? — в его голосе столько сарказма, что он почти обжигает.

— Я решил помогать материально, но больше ничего. Она была для меня только прошлой ошибкой, Кирилл. А Паша… он мой сын. Я не мог игнорировать это.

Кирилл качает головой, его глаза полны гнева.

— Значит, ты годами лгал маме. Ты жил с нами, улыбался, играл роль примерного мужа, а в это время у тебя был ещё один ребёнок?

— Я не думал, что это выйдет наружу, — признаюсь я. — Я хотел защитить вас от этого.

— Защитить? — он вскакивает, его голос становится громче. — Ты не защитил никого, папа. Ты разрушил всё. Ты думаешь, что мама это переживёт? Ты знаешь, что ты сделал с её жизнью?

— Я знаю, — отвечаю я тихо. — Но я всё равно должен был тебе это рассказать.

Он стоит передо мной, тяжело дыша.

— Это… отвратительно, — говорит он наконец. — Ты даже не представляешь, как это слышать. Ты предал нас всех, папа.

— Я не спорю с тобой, — говорю я, поднимаясь. — Я хочу всё исправить, Кирилл. Я не хочу терять вас.

— Ты уже потерял, — отрезает он, направляясь к двери, — Ты ведь живешь с этой женщиной, отец. Ты мог просто помогать ей и своему отпрыску бабками, но нет… Ты решил строить, блядь, семью. Когда у тебя уже была семья!!!

— Кирилл, подожди, — прошу я, но он даже не оборачивается.

— Хватит, отец. Я выслушал тебя. Теперь живи с этим сам.

Дверь захлопывается за ним, оставляя меня одного. Я снова падаю в кресло, чувствуя, как стены кабинета сужаются вокруг меня. Я знал, что этот разговор будет тяжелым, но не думал, что он оставит такую опустошающую пустоту.

Потерять доверие сына — это хуже, чем я мог себе представить. Но, как бы больно ни было, я не могу позволить себе сдаться. Я должен найти способ восстановить семью, даже если это будет стоить мне всего остального.

Глава 17. Марта

Лекция прошла ну просто отвратительно. Смотрю на учеников кивая им со скупой улыбкой, а сама буквально недовольна ни своей работой, ни собой.

Почему я позволяю ему влиять на меня тогда, когда уже все ясно и озвучено? Почему не могу взять и собраться с мыслями, чтобы делать то, что я люблю?

Чертов предатель!

Нервно складываю в стопку кипу бумаг и глубоко вдыхаю. Хорошо, что на сегодня это все, останется только заняться организационными и административными вопросами кафедры, хотя если честно вчерашний вечер за просмотром фильмов с мороженым был очень кстати, и я не прочь повторить.

Вся эта ситуация не выходит у меня из головы. Долбит и долбит в одно и то же место, как мигрень.

Выхожу из аудитории и направляюсь на кафедру. Ученики то и дело кивают и здороваются, но по большей части все же боятся меня. К слову, это та дистанция, которая необходима в моей работе. Иначе только бац слабину, сядут на шею, как всему молодому преподавательскому составу. Мы, кто можно сказать, прожженый спец, пытаемся помочь, но опыт дело наживное. И пока на себе не прочувствуют, не выявят свою оптимальную схему работы. Регламенты регламентами, а подход все равно у каждого уникальный. Все мы разные и особенные.

На последнем слове мысль обрывается, переключаясь на нее. А насколько особенна она…

Я помню, как Гордей ухаживал за мной. Очень красиво и ненавязчиво, вплоть до того, что буквально предчувствовал в какую сторону я сейчас поверну. Он не торопился, в какой-то даже степени тормозил. Болезненная улыбка оседает на губах, потому что я помню как однажды не выдержала и спросила когда уже он перейдет к более интересным и приятным для меня действиям. Он тогда так долго и хрипло смеялся, что я как завороженная наблюдала за ним. А потом резко взял, притянул к себе, и практически показал все грани порока. Я влюбилась в него быстро, скорее даже мгновенно. Это было очень просто, и от того бурная жизнь тогда только началась, и если уж откровенно, она всегда была не очень спокойной. Мне казалось, что это даже некий залог нашего успеха.

Только по факту я была наивной дурой, внимая иллюзию страсти, счастья и крепкого брака.

— Доброго дня, — вхожу в деканат, наблюдая нашего секретаря и нескольких преподавателей.

— Ой, Марта Сергеевна, а мы как раз о вас, — смотрят на меня, а я в ожидании жду подробностей: — Точнее, о вашем муже, — немного смущенно говорит Юля, наш преподаватель филологии: — И о браке.

Собственный взгляд тут же тускнеет, и я перевожу свое внимание на документы на стойке, а тело напрягается до такой степени, будто разом все мышцы сводит.

— Варечка, есть что на подпись? — задаю вопрос секретарю и она отрицательно качает головой: — Так почему вы перемывали мне косточки? — свожу на шутку, цепляя легкую улыбку.

Убеждена, что никто не поймёт мою вынужденную игру, а моя нарочитая позиция держать свою семью на расстоянии от работы сейчас как никогда в плюс.

— Ну просто Соню бросил парень, точнее, как бросил, он изменил ей, и она сегодня сама не своя, мы даже вызвали Оксану Игоревну на замену.

Чувствую, как пальцы руки резко немеют, и пытаясь размять.

— Я сочувствую ей, — девочки кивают: — Но это не повод убиваться и лить слезы, — более серьезно добавляю: — Ведь измена это очень болезненный, но единичный удар под дых.

Однако, добивает себя женщина сама, наносит себе короткие удары постоянно утопая в тех воспоминаниях. В то же болючее место. Еще и еще. Снова и снова.

— Точно, — подхватывает Полина, тоже историк немногим моложе меня, но уже в разводе как несколько лет: — Ты прямо очень четко описала состояние периода после… — хмыкает она: — Все удивляюсь откуда в тебе столько мудрости, Марта…

Она одна из немногих со мной на ты, потому что уже считай около пятнадцати лет вместе трудимся. Киваю ей, но оставляю реплику без ответа.

— Так что девчонки, к черту мужиков, — чуть громче заявляет она: — Наслаждайтесь жизнью, берите от нее все, а когда встретите того самого, прежде чем довериться, проверяйте. Послушайте мудрую женщину, — смахивает невидимую прядь озорно шутя в конце, а я качаю головой, и наконец, покидаю деканат, чтобы доработать, а потом скрыться дома.

К тому же я просила Еву сегодня остаться дома, чтобы поговорить с ней конкретно и серьезно. Иначе, ее кривляния и поведение до добра не доведут, особенно после того, как она пыталась манипулировать мной ради своей банковской карты.

Глава 18. Марта

Сижу за кухонным столом, заварив себе чай, который, кажется, потерял вкус. Чашка уже наполовину остыла, а я не сделала ни глотка. Дом погружен в тишину, нарушаемую только приглушенными звуками телевизора из комнаты Евы. Это не тишина покоя, это тишина, которая давит, как груз.

Она пришла поздно ночью. Я слышала, как хлопнула входная дверь, как каблуки застучали по полу, как она скинула куртку на пол, не потрудившись повесить её. Меня это не удивило, но внутри всё равно сжалось.

Я смотрю на дверь её комнаты. Внутри борются два чувства: желание оставить всё как есть и пойти поговорить с ней. Но что я могу ей сказать? Что всё это рушит меня? Что мне больно видеть, как она разбрасывает свою жизнь, как будто ей ничего не стоит?

Поднимаюсь. Если я не сделаю это сейчас, то не сделаю никогда.

Я стучусь, не дожидаясь ответа, вхожу. Ева лежит на диване, её волосы растрепаны, в одной руке телефон, в другой — бутылка газировки. Она бросает на меня взгляд из-под длинных ресниц.

— Ты что, не видишь, что я занята?

Я игнорирую ее тон, сажусь в кресло напротив.

— Нам нужно поговорить, Ева.

Она тяжело вздыхает, бросая телефон на диван.

— Ну, давай, только быстро. У меня планы.

— Планы? — спрашиваю я, стараясь сдерживать голос. — Какие ещё планы, Ева? Очередная вечеринка? Тусовка с друзьями, имена которых ты забудешь через неделю?

— И что с того? — голос звучит как вызов. — Это моя жизнь.

Я закрываю глаза, пытаясь успокоиться.

— Ева, я просто хочу понять, что происходит. Почему ты так себя ведёшь?

— А как я себя веду? — она вскидывает голову. — Ты можешь объяснить, что тебе не нравится? Что я живу не так, как ты?

— Да, — говорю честно. — Ты живешь, будто ничего не имеет значения. Ни твои близкие, ни ты сама.

— Ты серьёзно? — Она усмехается, её глаза сверкают злостью. — Ты думаешь, я должна быть, как ты? Всё своё время пахать на работе, забывать о себе, чтобы всем вокруг было хорошо?

— Я не забывала о себе, Ева, — возражаю я. — Я жила для вас. Для нашей семьи.

Она резко садится, её лицо пылает.

— Ты это называешь жизнью? Мама, я видела тебя! Ты всегда была усталой, измученной, вечно занятый человек, который думал только о том, как всё устроить. А про себя ты забыла. Вот почему папа… — замолкает, прикусывая губу, но я уже поняла, что она хотела сказать.

— Заканчивай, — говорю я, чувствуя, как внутри всё рвётся. — Не смей обвинять меня в том, что он сделал.

— Я никого не обвиняю, — шепчет в ответ, но я слышу в ее голосе раздражение. — Просто, может, тебе стоит перестать делать вид, что ты такая правильная.

— Я не правильная, — чувствую, как горло сдавливает. — Я просто пыталась быть для вас тем, кем считала, должна быть. А ты… ты отталкиваешь всех, кто пытается тебе помочь.

Она бросает взгляд в сторону, ее лицо становится закрытым, как нечитаемая маска.

— Может, мне никто и не нужен, — тихо произносит, поджимая губы.

— Нужен, — говорю я, придвигаясь ближе. — Ты просто боишься это признать.

Ева смотрит на меня, и я вижу в её глазах боль, которую она так долго скрывала за маской равнодушия.

— Ты ведь думаешь, что я слабая, да? — вдруг говорит она. — Ты считаешь меня пустой, бесполезной.

— Нет, — отрицательно качаю головой, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы. — Я думаю, что ты потерялась, Ева. И мне больно это видеть, потому что я хочу помочь, но не знаю, как.

Она отводит взгляд, её плечи подрагивают.

— А мне кажется, что ты просто хочешь контролировать меня, — шепчет она.

— Нет, — говорю твёрдо. — Я хочу понять тебя. Но ты не подпускаешь никого.

Ева вдруг встаёт, оборачивается ко мне.

— А ты сама понимаешь себя? Ты ведь тоже потерялась, мама. После папы, после всего этого… ты больше не знаешь, кто ты такая.

Её слова, как удар, но я знаю, что в них есть доля правды.

— Да, — признаюсь, с трудом выдавливая слова. — Я не знаю. Но я ищу себя. А ты даже не пытаешься.

Ева смотрит на меня, её лицо смягчается, но она тут же отворачивается, как будто боится показать, что мои слова задели ее.

— Я не такая, как ты, мама, — говорит она тихо.

— Я знаю. Но это не значит, что мы не можем понять друг друга.

Она молчит. Потом берет телефон и делает вид, что разговор окончен. Я понимаю, что добилась не так много, но хотя бы что-то.

Когда я выхожу из её комнаты, внутри меня всё ещё боль. Эта пропасть между нами становится всё глубже, и я не знаю, смогу ли я когда-нибудь её преодолеть. Но я знаю одно: я буду пытаться. Потому что, несмотря на всё, она остается моей дочерью.

Глава 19. Гордей

Смотрю в документы, пробегая глазами, ставлю нужные пометки и откладываю влево. Дальше следующий, тут не ввожу поправок, поэтому ставлю подпись и откладываю вправо.

Работа выполняется автопилотом, хоть и процессы запущены, тем не менее, необходимо все сделать правильно. К тому же, требования сверху на последних чтениях совсем уже выходят за рамки, а как донести, черт возьми, что народу это не понравится, ума не приложу.

Уже и прямо, и в обход пытались ведь доложить, а эти доклады словно даже и не слушают.

В свое время, когда я хотел в политику, мне казалось, что море по колено, я сделаю этот мир лучше, помогу нуждающимся, улучшу социальные привилегии… однако, в первый год, оказавшись в одной из невзрачных партий понял, что мое представление не сошлось с реальностью. Да только тогда сработал обратный принцип, любой ценой добился тех реализаций, которые есть в моих планах. Шаг за шагом, спотыкаясь, и порой закрывая глаза на то, что не схоже с принципами, я шел, менял партии, рос внутри государственного аппарата. Как говорила Марта, я уже многое сделал на два города, однако, собой все равно недоволен. Это как извечное противостояние, даже когда ты его не чувствуешь, оно есть. И тот кто не был тут, вряд ли поймёт о чем я.

Ставлю пометки, потому что вижу ошибки, допущенные Матвеем, и откладываю ручку, снимая очки.

Надавливаю на глаза, бросая взгляд на окно. Уже поздний вечер, работу можно было бы и отложить, но толку мне скитаться по квартире, в которой настолько тихо, что даже жутко.

Снова смотреть в потолок и тосковать, так хоть мозг занят. Только хочу встать и открыть окно, чтобы впустить морозный воздух, как слышу какую-то суету за дверьми. То ли крики, то ли не пойми что там происходит.

Встаю из-за стола, собираясь выяснить, что за проблема, однако, в эту же секунду дверь с громким стуком раскрывается, и в кабинете оказывается растрепанная и явно разъяренная Ева, а за ней моя испуганная секретарша.

Хмурюсь, глядя на дочь, и киваю на выход сотруднику. Она тихо выскальзывает, закрывая дверь, а я смотрю на дочь.

— Что случилось? — осторожно спрашиваю, а она буквально пышет гневом.

— Нет, я понимаю, — начинает она с явным ехидством: — Мама забила на все, придумав себе эту необходимость впахивать, когда у тебя есть деньги, — усмехается она, а я лишь раздражаюсь и больше хмурюсь: — На тебя, на меня, внук не считается, это ж такой долгожданный пупс, — с сарказмом добавляет она: — Но ты, пап! Ты! — подходит ближе и тычет пальцем: — Четырнадцать лет братишке?! Серьезно?!

Прикрываю глаза с шумным выдохом. Дерьмовее ситуации не придумаешь.

— Сядь, пожалуйста.

Указываю на стул, но она лишь скрещивает руки на груди и качает головой.

— Ты трахнул какую-то левую бабу по-пьяни, принял этого урода и играл с нами в семью! То есть я для вас полный стыд, несуразная пьяница, дочь, которая и даром не нужна, а там у тебя еще какой-то уродец?!

Она буквально выкрикивает это все, и я вижу, как слезы срываются с ее глаз.

— Нет, Ева! — твердо отвечаю на ее крики: — Ты не стыд, и тем более не смей даже думать, что ты не нужна! Ты наша дочь, и вопреки всему, мы тебя любим, дочка, — вижу, что ей сейчас наплевать на мои слова, она обижена и зла, она предана, и это больно, я осознаю: — Прости меня, принцесса… — поджимаю губы: — Кирилл услышал ту правду, которую я не могу стереть, и Паша…

— Нет! — верещит она вдруг: — Даже не смей называть мне его имя! — ее глаза буквально наливаются кровью, и мне больно видеть эту ненависть, а точнее это словно истребляет меня изнутри: — Я ненавижу! — цедит, а я виновато опускаю голову, потому что она имеет право: — Вас обоих ненавижу! Всех! — кричит от этой боли, и я не смею ей запрещать: — Тебя! Его! Ту бабу! Маму! Всех! Чтобы вы все…

Запинается на полуслове и резко выходит. Практически выбегает, с силой раскрыв дверь моего кабинета. Позволяю уйти, потому что ее характер это цунами, и сейчас лишь раздразнить больше, если пытаться что-то доказать и объяснить. Однако, то как ноет внутри от потери моей семьи, это теперь пожизненно со мной. Пора привыкать к этому, научиться существовать и делать все, чтобы вернуть их. Пусть хотя бы даже одну редкую улыбку в свою сторону увидеть, это будет уже тем, что позволит вдохнуть поглубже.

Были недовольные комментарии, что главы про дочку. Но, во-первых, измена и развод затрагивают всех членов семьи. Во-вторых, давайте подумаем, может дочка играет какую-то роль во всем этом и все не просто так...

Глава 20. Марта

Обеденное время в университете обычно наполнено лёгким шумом. Столовая, с её резкими запахами подогретой еды и гулом голосов, — это не то место, где я люблю задерживаться. Я скорее прячусь здесь за чашкой чая, иногда перебрасываясь парой слов с коллегами.

Сегодня всё кажется обычным: студенты оживлённо обсуждают лекции, преподаватели за соседними столами тихо шутят о сложностях с новой системой учёта. Но я ощущаю, что что-то не так. Лёгкие взгляды, которые бросают на меня коллеги, сопровождаются странной тишиной, как будто они хотят что-то сказать, но боятся.

— Марта Сергеевна, — звучит знакомый голос. Это Татьяна Юрьевна, преподаватель с кафедры философии, всегда улыбчивая и любезная. Но сейчас её лицо не выражает ничего, кроме жалости. — Как вы держитесь?

— Простите? — я поднимаю на неё глаза, чувствуя, как внутри зарождается странное беспокойство.

Она переглядывается с Ольгой Петровной, которая сидит рядом. Ольга кивает и делает вид, что занята своим телефоном, хотя явно подслушивает.

— Ну… — Татьяна запинается. — Просто мы все в шоке.

— В шоке от чего? — спрашиваю я, чувствуя, как внутри что-то обрывается.

Татьяна выглядит так, словно хочет проглотить свои слова, но потом наклоняется ближе и говорит:

— Вы, наверное, ещё не видели статью?

— Какую статью?

Татьяна вытаскивает телефон, быстро что-то ищет и, немного поколебавшись, протягивает его мне. Я смотрю на экран и чувствую, как мир вокруг начинает кружиться.

"Чиновник Гордей Зарудный разводится с женой после тридцати лет брака. Официальные источники пока не подтверждают, но инсайдеры утверждают, что супруги уже начали процесс развода. Сам Зарудный комментариев не даёт."

Я перечитываю текст снова и снова, словно от этого смысл изменится. Но слова остаются такими же: *"разводится", "процесс", "30 лет брака"*.

— Это что, какая-то ошибка? — спрашиваю я, поднимая глаза на Татьяну.

— Мы все очень сочувствуем вам, — тихо говорит она. — Это… ужасно, что такие вещи обсуждаются публично.

— Публично… — я произношу это слово шёпотом, чувствуя, как внутри меня нарастает паника.

Я поднимаюсь, почти не замечая, как стул задевает соседний стол. Мимоходом ловлю любопытные взгляды студентов и коллег, но не останавливаюсь. Мои шаги становятся всё быстрее, пока я не оказываюсь на улице.

Воздух холодный, влажный, пахнет снегом. Я опираюсь на стену университета, достаю телефон и трясущимися руками набираю номер Гордея.

— Алло? — его голос звучит спокойно, но я тут же срываюсь.

— Гордей, ты видел эту статью? — говорю я, чувствуя, как голос поднимается на октаву выше.

— Марта… — начинает он, но я перебиваю:

— Почему ты меня не предупредил?! Ты понимаешь, что это значит? Все теперь знают. Все!

— Я пытался связаться с тобой, — отвечает он. — Но ты не брала трубку.

— Потому что я не хочу говорить с тобой! Но разве это повод для того, чтобы я узнавал о таких вещах из новостей?!

Он молчит, и это молчание сводит меня с ума.

— Ты хотел обезопасить себя? — продолжаю я. — Чтобы никто не подумал, что ты недостаточно компетентен? Или что?

— Я хотел защитить тебя, Марта, — говорит он тихо. — Чтобы пресса не трогала тебя, чтобы никто не строил догадок.

— Отлично получилось, — горько усмехаюсь я. — Теперь все университеты страны будут обсуждать, как я потеряла мужа.

— Это не моя вина, — возражает он, и в его голосе появляются резкие нотки. — Это утечка. Я не давал никаких комментариев.

— Значит, кто-то дал за тебя, — бросаю я.

Я делаю глубокий вдох, пытаясь взять себя в руки. Кричать бесполезно.

— Нам нужно что-то придумать, — говорю я, чуть тише. — Легенду. Что-то, что позволит сохранить наши карьеры.

— Легенду? — переспрашивает он.

— Да. Чтобы это не выглядело как скандал. Мы скажем, что расходимся мирно. Без взаимных претензий, без лишних комментариев.

— Это разумно, — соглашается он. — Я готов всё организовать.

— Нет, — перебиваю я. — Не ты. Я сама разберусь. От тебя мне нужен только один комментарий: "Это личное дело".

— Марта…

— Я больше ничего не хочу слышать, Гордей.

Я отключаюсь, чувствуя, как телефон выскальзывает из моей ладони. Мир вокруг кажется размытым. Я пытаюсь глубоко дышать, но воздух словно не достигает лёгких.

Легенда. Я всегда была хороша в написании историй, которые защищают других. Только вот кто защитит меня?

Глава 21. Марта

Вечер проходит будто мимо меня, пока я перебираю возможные варианты того, что можно сказать… если вскроется, что развод из-за интрижки, то прессе будет достаточно только слова интрижка, чтобы приписать туда и девушек легкого поведения, и того, что я всю жизнь жила и мирилась с этим. конечно, университет не примет во внимание мою личную жизнь и никаких потерь, кроме моей репутации не будет….но моя репутация, наработанная годами, слишком дорого мне стоит, а авторитет, который я держу уже очень много лет в сфере образования… ух, Зарудный, дать бы тебе по седой голове!

Прикрываю глаза, делая глоток любимого вина, и все еще пытаюсь придумать.

Кирилл звонил, сказал, что это было жестоко со стороны отца, но как бы я сейчас не негодовала в сторону его отца, в его слова верю. Хоть, он уже и доказал, что это опрометчиво. Очень надеюсь, что с его вспыльчивостью все виновные по шапке получили… даже если это замечательная Ольга, которая желает добра.

Бросаю взгляд на часы, и даю еще немного времени, чтобы Ева объявилась, ее телефон молчит уже несколько часов. Я конечно не из тех, кто будет без остановки звонить, но… материнское сердце в любом случае начинает волноваться.

Остальные пропущенные звонки, сообщения, от друзей семьи, от коллег я игнорирую. Смысл отвечать, если вразумительного ответа, кроме того, что наш брак изжил себя у меня нет.

Тяжело вздыхаю и беру кусочек сыра, надо бы хоть что-нибудь засунуть в себя. После бомбы, которую сегодня на меня скинули кусок в горло не лезет. Завтра все будут донимать взглядами, которые будут бросать украдкой, но это все равно будет ощутимо…

Нам нужно срочно дать свой ответ на эту “утку”. Снимаю блокировку с телефона, но в этот момент слышу, как в дверь звонят.

Странно, звонка с калитки не было…

Встаю, чтобы подойти к массивной двери, а видеофон уже показывает кто стоит за порогом.

Этот седой бес прямо в камеру и смотрит, вообще ничего не смущает…

Нажимаю кнопку открыть, а сама поправляю, заколотые на затылке волосы.

— Марта, — он смотрит в упор, не моргая.

В глазах я не хочу видеть ни единой эмоции, но я знаю этого мужчину, и от того, к моему сожалению, все вижу. Скрещиваю руки на груди, демонстрируя ему свою защиту, а он проходится глазами сверху донизу, и обратно. Рассматривает, будто соскучился, только едва ли это возможно.

У него вторая семья, вот пусть к ней и катится.

Злость еще не улеглась, и она будто поднимается с новой силой. А вместе с ней и все эмоции, которые он своим появлением будоражит.

— Не прогоняй, — просит он с надеждой.

Прикрываю глаза, стараясь не обращать внимания на осунувшееся лицо, что отдает усталостью. На щетину, которая определенно не в порядке, а еще на то, что в руках у него коробка из моей любимой кондитерской.

Горькая усмешка тянется на губах, и я молча киваю ему на кухню.

— Чай, кофе? — спрашиваю, потому что сейчас он прав, нам необходимо обсудить то, что мы будем говорить на публику,даже несмотря на то, что с его появлением в доме, мне тяжело дышать.

Будто он отравляет своим присутствием мой воздух.

— Чай, — он оставляет пальто, а я замечаю, что его уже пора бы сдать в химчистку, я отдавала его месяца четыре назад, с его поездками, я обычно делаю это раз в три…точнее делала, а теперь это не мое дело: — Нам нужно обсудить как мы…

— Да, я как раз об этом думала. Главное, чтобы из-за твоей любовницы меня не сделали вечной жертвой, а тебя последним ублюдком, скитающимся по борделям, — отвечаю равнодушно, наливая в его кружку чай.

— Не переживай, наш комментарий будет единственным, мы попросим уважать нашу личную жизнь, к тому же расскажем, что расходимся в согласии и без взаимных претензий.

Киваю, это логично и понятно, но люди любят искать грязное белье даже там, где его нет. Что уж говорить о желании покопаться в местах, где оно есть….так еще и навалом, учитывая сына подростка…

— Гордей, — ставлю чашку перед ним, а он уже раскрыл коробку с моим любимым сан-себастьяном и еще кучей всего: — Ты узнал, кто это?

Он мрачно смотрит на меня и кивает.

— Я надеюсь у этой…— качаю головой, и вздыхаю: — Хватило ума не лезть в эту петлю?

Зарудный не успевает ответить, потому что на всю кухню раздается мелодия его звонка, и я вижу имя звонившей.

Вспомнишь ведь…легка на помине.

Он хмуро смотрит в экран, отключая звук, а я резко отворачиваюсь.

— Можешь взять трубку, — отвечаю ледяным тоном: — Вдруг там важная информация.

— Я не стану, — упрямо отвечает он, оборачиваюсь на него, и изумленно мотаю головой.

Всякий раз, когда я вижу его, у меня возникает тонна вопросов, ответы на которые я, по существу, не хочу знать. А сейчас, меня просто убивает это все

— Господи, за что ты так со мной?! — поджимаю губы, я ведь знаю, что не была плохой женой, от того все происходящее еще больше ранит.

Правильно ведь говорят, это мазохизм, и черт возьми, я не хочу заниматься этим мазохизмом.

— Я…прости меня, родная. Я только теперь осознаю насколько больно сделал нам обоим. И твою боль я ощущаю двукратно…Я ведь себя уничтожил, Марта. Ты — мой якорь.

— Уходи, нам лучше общаться через адвокатов или представителей… не знаю, я найду кого-нибудь,а Матвей пусть пришлет мне все, что нужно знать.

Пока я говорю его телефон вновь оживает, теперь уже уведомлением, и Гордей, мазнув глазами по экрану, тут же резко хватает его.

Вижу, что он растерян, и даже зол в какой-то степени, а когда он возвращает свой взгляд на меня, то там и вовсе некая обреченность.

— Ева в Питере…у Ольги.

Глава 22. Гордей

Телефон вибрирует на краю стола, как будто нарочно пытается привлечь внимание. Я лениво протягиваю руку, готовый увидеть очередное уведомление — служба доставки, коллеги, какая-то мелочь, не требующая ответа. Но взгляд останавливается на имени. Ольга.

Сообщение лаконичное, но обжигающее, как кипяток на коже:

"Гордей, твоя дочь здесь. Она пришла сама. Сейчас с Пашей общается."

Я перечитываю текст снова и снова, словно слова могут измениться, если смотреть на них достаточно долго. Ева. В Питере. У Ольги.

Моя дочь, всегда отстранённая, независимая, равнодушная к семейным драмам, вдруг оказалась в месте, которое я старался держать подальше от её жизни.

Грудь сжимается, как в тисках. Перед глазами всплывает её лицо: острые черты, взгляд с лёгкой тенью раздражения — будто мир ей что-то должен. А теперь это раздражение обращается на меня. Почему она там? Что заставило её пересечь черту?

Я хватаю телефон и набираю номер, пальцы чуть дрожат. Гудки звучат, как удары молота — слишком громко, слишком долго.

Наконец она отвечает:

— Да, Гордей? — голос мягкий, спокойный, словно ничего особенного не произошло.

— Оля, — начинаю я резко, раздражение прорывается сквозь самообладание. — Что у тебя делает моя дочь?

— Ева сама пришла, — отвечает она сдержанно, как будто это объясняет всё. — Написала мне, сказала, что хочет поговорить.

— Поговорить? — мои слова звучат остро, как стекло. — И ты решила, что это нормально?

— Гордей, она взрослый человек, — в её голосе появляется лёгкая обида. — Или ты думаешь, что мне нужно было выставить её за дверь?

— Ты должна была мне сказать! — бросаю я.

— Вот я и сказала, — парирует она с хладнокровием, которое меня выводит из себя. Внутри закипает злость.

— Где она сейчас?

— В комнате с Пашей, — отвечает спокойно, как будто это самая обычная вещь на свете. — Они нашли общий язык, представляешь?

Я закрываю глаза, делаю глубокий вдох, стараясь не сорваться.

— Оля, это ненормально, — говорю довольно твёрдо, но внутри всё кипит.

— Ненормально? — женский голос на той стороне становится чуть резче. — Гордей, она пришла, потому что хочет разобраться. Это не я её заставила.

— Разобраться? В чём?

— А как ты думаешь? — в её голосе мелькает насмешка. — В том, почему её отец ведёт себя так, как будто пытается угодить всем сразу.

— Ольга, — я стараюсь держать себя в руках, — Я хочу, чтобы ты прямо сейчас сказала Еве, чтобы она ушла.

— Гордей, она не ребёнок, — отвечает с лёгким раздражением. — Она здесь по собственной воле.

— Оля…

— Гордей, — перебивает она, и в её голосе появляется мягкость, почти умоляющая. — Почему ты не хочешь признать, что она пришла, потому что ей важно?

— Важно что? — мой голос дрожит, я почти кричу.

— Ты сам это знаешь, — её голос становится тише, но настойчивее. — Она хочет понять, где её место в этом хаосе. А ты? Ты готов ей это объяснить?

Мои руки непроизвольно сжимаются в кулаки. Она играет на моей вине, вытягивает из меня эмоции, которые я не хочу показывать.

— Ты всегда была хороша в том, чтобы переворачивать всё с ног на голову, — говорю я ровно, скрывая дрожь в голосе.

— А ты всегда был хорош в том, чтобы уходить от ответственности, — парирует она, и в её голосе появляется стальной оттенок.

Я впервые слышу подобные ноты в ее голосе. И они меня] настолько настораживают, что по ощущениям ее тонкая кисть сейчас крепко сжимает мое горло.

— Оля, я хочу, чтобы Ева ушла. Немедленно.

Мне приходится выговаривать каждое слово по слогам, чтобы до нее наконец дошло.

— Гордей, ты можешь приказать мне, но не ей, — отвечает спокойно. — Она останется, пока сама не решит уйти.

Я пытаюсь что-то сказать, но она продолжает. Её голос снова становится мягким, почти убаюкивающим:

— Гордей, ты устал. Я вижу это. Ты потерял себя в этих попытках угодить всем. Но ты ведь знаешь, где тебя ждут.

— Ольга, прекрати, — резко обрываю её.

— Пашка спрашивает о тебе каждый день, — говорит очень тихо, и в её словах слышится искренность. — Он хочет знать, почему папа не приезжает.

— Скажи ему, что я занят, — отвечаю машинально.

— Я скучаю, — её голос едва слышен. — Правда скучаю.

— Это ничего не меняет, — отрезаю я, словно ставлю точку.

Внутри меня настолько неспокойно, что удушающий ком застревает где-то между горлом и грудью.

— Ты так думаешь? — резко переключается на холод. — Ты поймёшь, Гордей. Только будет слишком поздно.

Гудки. Она отключилась.

Сука! Она просто положила трубку.

Я медленно кладу телефон на стол, будто боюсь, что он снова даст о себе знать. Мысли клубятся, как чёрный дым, обжигая изнутри. Ева у Ольги. Ольга говорит мне то, чего я не хочу слышать. И пока я пытаюсь сохранить контроль, мир вокруг рушится. Кусок за куском.

Когда я поднимаю голову, понимаю насколько идиот. Просто конченный. Марта. Она стоит на пороге, сжимая руки так, что костяшки побелели. Её лицо, обычно спокойное и тёплое, теперь словно застывшая маска боли.

— Ты говорил с ней, — произносит она, и голос звучит глухо, как эхо в пустом доме. — Я слышала…

— Марта… — начинаю я, но голос предательски срывается.

— Не надо, — она поднимает руку, словно отсекая любые мои попытки объяснить. Её глаза блестят от слёз, но взгляд — твёрдый, как сталь. — Я не могу больше это выносить, Гордей.

— Ты не понимаешь, — пытаюсь я, но она перебивает:

— Я всё понимаю, — родной голос дрожит, но остаётся тихим. — И поэтому прошу тебя уйти. Уйти сейчас. Потому что дальше будет только хуже.

В груди скручивает так, что становится трудно дышать. Слова, которые я хочу сказать, застревают в горле. Я вижу всю боль, собравшуюся в её глазах, и понимаю: Марта не простит. Никогда.

Я молча киваю и медленно направляюсь к двери, чувствуя, как каждый шаг отдаётся тяжестью в душе. За моей спиной слышится тихий вздох — последний звук, который я слышу от неё. И я знаю, что больше ничего не будет так, как раньше.

Зря я надеялся на обратное.

Дорогие, мы приняли решение закрыть комментарии до следующей главы, так как некоторые высказывания нам не кажутся этичными.

Мы видим, что в комментариях переходят на личности и ругаются между собой, мы не хотим, чтобы наша книга была местом для слива негатива. В мире и так много говна, давайте хотя бы здесь оставаться людьми.

Каждый из вас имеет право на свое мнение, никто не может вам запретить думать так, как вы хотите, но выражать свою точку зрения можно и даже нужно этично, без сарказма, издевок и прозрачных намеков.

Нам всем нужно остыть, поэтому на два дня комментарии будут закрыты. После обязательно откроем.

Всем добра!

Глава 23. Гордей

— Я поеду за Евой, — глухо сообщаю, чтобы она не волновалась.

Хоть и осознаю, что это глупо.

— Ты даже не видишь, Гордей, — тихий голос в ответ: — Если эта женщина предпримет что-то, то это уничтожит все то, что ты строил на протяжении стольких лет.

Я знаю, что моя жена права и разговор, который сейчас случился по телефону с Ольгой тому прямое доказательство. Впервые она позволяет себе подобные выходки. Но я не допущу того, чтобы подобное повторилось.

Поворачиваюсь на Марту с полной уверенностью во взгляде.

— Нет, у нее никогда не было такой власти, — озвучиваю напрямую, потому как власть лишь только у той, что стоит напротив.

Лишь она способна стереть меня в порошок. Разница только в том, что Марта не станет этого делать. Она знает все про систему, про то, как там работают чиновники…она знает все про меня. И знает, что неизбежное уже нависло над моей головой. Она дает возможность мне уйти тихо, потому что вполне догадывается что намечается в дальнейшем.

Но ее даже рикошетом не может задеть…я не должен допустить. А идеи этих чертовых пиарщиков госаппарата уже перечеркнуты на ближайшие несколько месяцев. Любое действие им придется согласовывать со мной, даже незначительную строчку в новостях, даже, черт возьми, фотографию с новой стрижкой.

— Она ей и не нужна, ты достаточно ей дал за эти годы…

— Нет, — качаю головой, потому что сейчас не согласен: — Когда-нибудь, когда ты будешь готова ты услышишь всю историю. И я виновен, Марта. Но не такую долю, как ты сейчас считаешь. И я был не прав, что испугался…испугался сказать тебе, побоялся потерять твое восхищение собой, испугался, что ты исчезнешь из моей жизни. Я трусливо смолчал, историчка моя. И вероятно, это самый мой главный грех.

Вижу, как с ее глаз стекает слеза, и мне хочется прижать ее к себе. Но между нами ледяная стена, которая не поддается таянию.

— Уходи, Гордей. — шепчет она: — И будь с Евой помягче, не каждый день узнаешь такие новости, к тому же с ее характером.

Киваю и бросив на свою жену тоскливый взгляд, поджав губы я разворачиваюсь и ухожу.

Внутри уже нет механизма, который бы работал на всех мощностях. Сейчас там подобие былой машины. Имитация.

Но мои шаги просчитаны наперед, независимо от того, как хочется умереть осознавая свою потерю. Сейчас мне нужно успеть вернуть Еву домой без всякого влияния Ольги, прежде чем взорвется бомба. Усмирить эту женщину, по слогам объяснив, что больше ничего и никогда не будет. Поговорить с Пашей и планомерно делать все задуманное.

Выбираю в смартфоне бронь на ближайший рейс, и тут же сажусь в машину, чтобы доехать в аэропорт, а там уже через пару часов оказаться у их порога и забрать свою дочь.

Жестоко ли это по отношению к той, кто когда-то согласился на подачки, а потом получил желаемое? Черт его знает! Это жестоко по отношению к ребенку, ко всем детям, если быть точнее. И жестоко по отношению к жене.

Правильные ориентиры все же не до конца смещены в моей голове, и вероятно, я прекрасно осознавал тот факт, что Ольга не так благородна, как пытается казаться…ведь тогда бы она не влезла к женатому, верно?

Горькая усмешка оседает на губах…благородство… Слишком много мы закладываем в это слово и слишком мало понимаем в этом самом благородстве. Как только на периферии встает эгоцентризм, выигрывает только то, что принесет тебе пользу. Однако, когда ты дей-

ствуешь в разрез с мнением высокого человека, даже без эгоцентризма твое благородство канет в лету в новых условиях, где ты должен подчиниться.

До аэропорта доезжаю утопая в философских умозаключениях, и оставляю машину на парковке. Быстрая регистрация без багажа, кофе с собой в Старбаксе, и вот я уже поднимаюсь по трапу.

Через два часа я буду смотреть в глаза дочери, которая ненавидит меня, под аккомпанемент нарочитой заботы от женщины, что мне не нужна, и разочарование от мальчика, который видел во мне героя.

Во всей моей истории я причинил боль каждому, и никогда не смогу искупить вину. Но порой приходится выбирать, и я этот выбор, хоть и поздно все же сделал. Сквозь ненависть, боль и злобу, я от него не откажусь. Сейчас я делаю то, что должен был когда-то давно, дабы уберечь и не потерять свою семью. Теперь, даже потеряв, я все равно докажу, что они - это единственный мой дом, они — это мое место.

Глава 24. Ольга

Я открываю дверь, и передо мной стоит она.

Высокая, худая, как и её мать, но совсем другая. Лицо тонкое, глаза колкие, губы тронуты усмешкой, будто она уже победила в этой игре.

Дочь Марты. Дочь Гордея.

Ева Зарудная.

— Ну здравствуйте, мачеха, — тянет она, и её голос пропитан ленивым сарказмом.

Она не двигается, не делает попытки войти, но и не ждёт приглашения. Она просто стоит на пороге, наблюдая, как я на неё смотрю. В глазах призыв, с этой девочкой будет сложно, понимаю это с первой минуты. Но отступать тоже не намерена.

Не показываю удивления. Я вообще ничего не показываю.

— Ты пришла, — спокойно говорю я, скрестив руки на груди. Я не ждала ее так скоро, но почему-то была уверена, что она приедет. Гордей рассказывал о дочери, порой даже слишком много. Делился со мной.

Зато теперь мне это играет на руку, я знаю ее повадки.

— Ага, — кивает она и заходит внутрь без тени сомнения.

Я не спешу закрывать дверь, как будто у меня ещё есть возможность остановить это, изменить ход событий. Но я знаю — поздно.

Внимательно наблюдаю за Евой, как она оглядывает квартиру, её взгляд цепляется за каждую деталь. Она не просто смотрит — она оценивает.

Ставит свою дорогую сумку на тумбу в прихожей, перед этим пройдя пальцем, в поисках пыли. Придирчиво подносит к лицу его, морщась. Плохая, игра, девочка. У меня стерильная чистота.

— Ну и уютное гнёздышко у вас тут, — протягивает она, лениво проводя пальцем по стеклянной поверхности комода повторно. — Семейный очаг, так сказать.

Я не реагирую.

— Ты голодная? Хочешь чаю?

Нужно проявить гостеприимство. Все же… Она его дочь. Дочь мужчины, которого я люблю. Значит… И ее должна полюбить.

— Ой, ну не надо, — она отмахивается, улыбаясь уголками губ. — Не пытайся быть со мной душевной. Давай уже, рассказывай, как ты умудрилась так долго держать папу на поводке?

Я медленно выдыхаю.

— Ева, давай просто поговорим.

— Ой, пожалуйста, — закатывает глаза она. — Ты не забирала папу, да? Он "сам пришёл"?

— Да, сам, — говорю я твёрдо.

— Конечно, конечно, — Ева снимает куртку и бросает её на спинку дивана, точно хозяйка. — Мужчины всегда сами приходят. А женщины просто случайно оказываются рядом, когда они "уставшие, потерянные и несчастные".

Она бьёт точно в цель. Я чувствую, как внутри всё сжимается.

— Ева…

— Нет, ты давай рассказывай, — продолжает она, проходя по квартире. — Где тут мой брат?

Я напрягаюсь.

— Он не виноват в том, что ты злишься, — проговариваю довольно четко, но на нее мои слова не действуют.

— Ой, да ладно, не начинай, — она машет рукой. — Так это он? Ну, показывай, где этот бастард.

Девчонка бесцеремонно хватает фотографию на полке, смотрит на своего брата, но лицом эмоции никак не показывает.

Я резко останавливаюсь.

— Не смей так говорить, — мой голос звучит твёрже, чем я ожидала.

Ева оборачивается, её губы искривлены в насмешке.

— Ой, простите. Чувства любовницы моего папы вдруг стали важны.

В этот момент в коридоре появляется Паша. Он немного расстерян, его внимание полностью привлекает Ева. И смотрит на сестру он с очень большим интересом.

— Мам, кто это?

Ева осматривает его, как будто изучает редкого зверька в зоопарке.

— О, вот и он, — усмехается она. — Привет, братик.

Паша смотрит на неё с непониманием, потом переводит взгляд на меня.

— Мам?

Я кладу руку ему на плечо, стараясь говорить спокойно:

— Иди к себе, Паш.

Он колеблется, смотрит на Еву, потом на меня, но кивает и уходит в комнату.

— Всё так серьёзно? — спрашивает Зарудная младшая, ухмыляясь.

— Ты не имеешь права приходить сюда и устраивать сцену, — говорю я жёстко.

Да, она его дочь… Я должна помнить это. Но я не позволю обижать моего сына… И уже тем более называть… так.

— А ты имела право? — в её голосе колкость. — Мне просто интересно: когда именно ты перестала чувствовать себя виноватой?

Я смотрю на неё, и меня поражает девичья злость. Глубокая, пропитавшая её насквозь. Я вижу в ней боль, но она маскирует её под насмешку.

— Я не разрушала вашу семью, — говорю спокойно. — Вы разрушили её сами.

Она смеётся. Очень громко. И неестественно.

— Конечно. Удобная версия событий.

— Ева…

— Что, Ева? — тонкий голос становится громче. — Ты правда думаешь, что папа к тебе вернётся?

Я молчу.

— Или уже жалеет? — она делает шаг ближе, её глаза сверкают. — А? Жалеет, что бросил маму ради тебя?

Я не отвечаю. Я знала, что Марта для него особенная… Но слышать это тяжело. Хочу, чтобы только мой был. Его все равно никто так не полюбит, как я.

Этой тишины достаточно.

Ева усмехается.

— Вот и славненько.

Ева дышит тяжело, смотрит на меня. А потом вдруг резко садится на диван, закидывает ногу на ногу и улыбается.

— Ладно, — бросает она. — Раз уж я здесь, давай познакомимся.

— Что?

— Я остаюсь.

— Ева…

— Ой, не начинай. Где тут можно покурить?

Я смотрю на неё. Она не уйдёт. И в этот момент я понимаю: я в ловушке.

Глава 25. Гордей

Как только самолет садится в Пулково, тут же звоню своим горе-пиарщикам. Всю дорогу обдумывал, и полагаю, пора.

Это не изменит ничего, но по крайней мере, покажет истинную реальность. Убежден, что Марта не этого хотела, но в данном случае, ее вины нет совсем. Есть только моя…сначала по глупости, а потом…по еще большей глупости.

— Гордей Михайлович, — тут же слышу в трубку.

— Матвей, добро на ротацию. Пусть выпускают, — твердо звучу, а она том проводе слышится короткое и четкое: “Понял”. — Я в Питере по личным вопросам, отбивай звонки как хочешь, меня нет.

— Да, Босс, — также отвечает он, только в конце добавляет: — А если супруга?

— Она не позвонит, Матвей, — с ощутимой горечью озвучиваю и отключаю телефон.

Выхожу из аэропорта, садясь в машину, что уже ждёт здесь, и морально готовлюсь к тому, что ждёт меня в квартире Ольги. У Евы скверный характер, но это лишь внешняя оболочка. Она любит жалить словами, но внутри она малышка, которая в какой-то момент осталась одна.

Эти мысли, если признаться, пришли ко мне недавно. Будто я увидел целую картинку анализируя всю свою жизнь и осознавая, что Сергей старше и когда он выпорхнул из гнезда, ее одиночество лишь все больше прорастало в ней. А мы… слишком занятые карьерой, попыткой подняться и заработать…мы сами испортили свою дочь.

Выезжаем на шоссе, и я провожаю взглядом серость и промозглость за окном автомобиля, несмотря на то, что сейчас зима.

Ищу слова внутри себя для дочери в первую очередь, а затем для сына… и лишь после готовлюсь популярно объяснить Ольге, что ей никогда не быть вхожей в мою семью, что бы там в прошлом не случилось.

Да и разве вообще язык повернется назвать их моей семьей? Да, ребенка я принял. Но считается ли ее молчаливое принятие тем самым партнерством, а мое удобство, та ли ценность, что заложена в семье? А как же общность быта, обязательства, ответственность… Не было ничего, кроме обязательств в отношении Павла.

Едва ли это способно отбелить меня, но раз уж быть исповеди, то она будет местами неприятной и жалкой, а местами, демонстрирующей настоящее и подлинное.

Наконец, добираюсь до адреса, и прежде чем подняться даю себе еще минуту собраться.

Звоню в домофон, и знаю, что она не увидит кто это, но догадается.

— Кто? — нервный голос в динамике, но в ответ я молчу.

— Надо же как быстро, Гордей, — с иронией заявляет она: — Мы с Евой отлично проводим время, — по напряжению сквозящему в голосе я бы так не сказал.

Однако, ее слова действуют именно так, как она на то и рассчитывает.

— Открывай уже, — рявкаю в домофон и слышу характерный щелчок.

Молча вхожу. Лифт. Тянущиеся минуты. И когда я выхожу на нужном этаже, то дверь в квартиру уже приоткрыта.

— Где Ева? — осматриваясь по сторонам.

— Обедать будешь? После самолета все таки, а там всякая дрянь, — она делает вид, что все в порядке, и это начинает даже не раздражать, а выводить из себя.

Смотрю на нее, взглядом давая понять, что сейчас она ведет себя глупо.

— Ева! Павел! — зову детей, на что Ольга вскидывает брови: — Еще раз, прямым текстом, раз по-другому непонятно, — подхожу ближе к ней тыча пальцем: — Ты не имеешь никакого отношения к моей семье.

Вижу, как она выше задирает подбородок, а в глазах собирается влага.

— Почему ты ругаешь меня? Не ее? Не свою жену, которая не смогла удержать дочь? — шепчет, качая головой: — Я была все это время рядом…

Усмехаюсь, и возможно веду себя жестоко, но ее телефонный разговор и то, что она делает сейчас, это крайне неверный выбор.

— О моей жене тем более тебе не стоит говорить, — жестко чеканю в тот момент, когда замечаю Еву и Пашу.

— Привет, — он улыбается и тут же бежит в мою сторону.

Поджимаю губы и достаю небольшую машинку из кармана.

— Времени было немного, — озвучиваю, но сам смотрю на дочь.

Скрестив руки на груди, она смотрит на Ольгу, а не на меня.

— Привет, пап, — озвучивает Ева: — Я как раз объясняла Паше, что ты уезжаешь…

Вскидываю брови и сам в ответ киваю, а Ева заметив это, тут же немного расслабляется.

— Какого… — слышу Ольгу позади, но Ева не дает ей договорить.

— С тобой мы тоже все обсудили, — с ощутимым превосходством перебивает она ее.

— Ева, пожалуйста, — обращаюсь к дочери, но она лишь подмигивает мне в ответ.

И в другой бы раз эта игривость меня расслабила, но не сейчас.

— Какая же ты невоспитанная нахалка, — Ольга повышает голос: — Выметайся из моего дома!

— Ох, терзают меня смутные сомнения, — разглядывая свои острые ногти, парирует Ева: — Сколько, пап, тысяч пятьдесят-шестьдесят отстегиваешь? Ты, Паш, не переживай, на карманные у тебя будет даже побольше, если вести себя хорошо будешь…

— Ева! — повышаю голос, и она почувствовав степень моего раздражения, наконец замолкает.

Паша смотрит на все это и не понимает, Ольга пышет гневом, а я, а мне душно тут, воздуха не хватает.

Расслабляю ворот рубашки, когда из гостиной слышится мое собственное имя. Прикрываю глаза, а вся эта честная компания негласно двигается туда.

Пользуясь паузой и секундой одиночества, глубоко дышу. Представляю как сейчас Матвею тяжко приходится, однако, собственный телефон молчит.

Правда, стоит только об этом подумать, как в это мгновение ощущается его вибрация. Достаю смартфон, а увидев имя звонящего, прикрываю глаза.

Было глупо надеяться на то, что они все это пропустят.

— Слушаю, — хриплю в трубку, наблюдая в проеме, как все трое в гостиной уставились в телевизор.

— Зарудный, ты, мать твою, сдурел?!

— И вас приветствую, Алексей Игнатович, — один из тех, кто сидит сверху и дает разрешение на твою собственную карьеру.

— Это что за херь?! — он буквально плюется в трубку, а учитывая его габариты, это возможно.

Этот тип коррумпирован уже долгие годы. Более того без него ты не сдвинешься в мэрии ни на шаг. И обычно это имеет свою цену.

— Немного пошевелить общественность, — отшучиваюсь, включая полного дурака, но мы оба слишком много знаем и понимаем.

— Мои деньги идут через тебя, идиот! — цедит он в трубку: — А этот скандал сейчас нагонит проверки, ты хоть понимаешь, что натворил?!

Прикрываю глаза, собираясь ответить.

— Я приостановил все транзакции через офшоры. Временно. — отборный мат, и даже явно что-то ломается на том проводе.

— Я тебя закопаю, Гордей! Закопаю, слышишь?! Кресло нахрен выбью из-под твоей гнилой задницы! — он еще что-то кричит, но я отключаю звонок.

Глава 26. Марта

Я чувствую эти взгляды ещё до того, как вхожу в аудиторию.

Они прожигают кожу, липнут, как мокрая ткань в знойный день. Коллеги делают вид, что погружены в обсуждение рабочих вопросов, но стоит мне пройти мимо — разговоры стихают. Тишина длится мгновение, но этого хватает, чтобы ощутить её острее любого слова. Затем шёпот, приглушённые фразы, тонкие ниточки любопытства и какой-то липкой жалости.

Я будто оказалась под стеклянным колпаком. Всё вокруг становится зыбким, неуловимым, но взгляды — они настоящие, тяжёлые, давящие. Они не говорят ничего вслух, но я слышу их мысли, угадываю их догадки. Никто не осмеливается задать вопрос напрямую, но каждый втайне жаждет подробностей.

Я делаю вид, что ничего не замечаю.

Часто говорят, что самый сложный шаг — первый. Но, кажется, после этой истории каждый новый шаг — испытание. Как по тонкому льду, который может треснуть в любой момент.

Вдох. Выдох. Вперёд.

В аудитории меня уже ждут студенты. Их взгляды разные: кто-то смотрит с любопытством, кто-то с уважением, а кто-то просто рад тому, что я пришла, потому что им важен предмет, а не моя личная жизнь. Этот факт немного греет — здесь ещё есть место, где я просто преподаватель, а не объект обсуждения.

Я оглядываю аудиторию, привычным жестом поправляю волосы, затем очки. Голос должен быть ровным. Спокойным. Контролируемым.

— Открываем тетради.

Мой голос звучит уверенно, даже если внутри гудит лёгкая дрожь. Я существую только в этой аудитории, в этих словах. Здесь моя жизнь. Здесь мой смысл.

Лекция пролетает быстро и почти незаметно, а после долгого звонка реальность снова накрывает меня, как ледяная вода.

Я собираю бумаги, скользнув взглядом по экрану телефона. Несколько пропущенных звонков. Незнакомый номер.

Брови слегка хмурятся. Кто?

Выключаю звук, но не успеваю спрятать телефон в сумку — он снова вибрирует. Тот же номер. Сердце глухо стучит в груди, отбивая тревожный ритм.

Секунда колебаний. Время словно растягивается, превращаясь в вязкое марево сомнений и предчувствий. Я смотрю на экран, на незнакомый номер, на мелькающие цифры. Сердце сжимается в болезненной догадке.

А потом отвечаю.

— Алло?

— Мама…

Я замираю.

Этот голос я знаю до боли. Но он не такой, каким я привыкла его слышать. В нём нет привычной колкости, нет равнодушия, нет той прохладной отчуждённости, к которой я давно привыкла. Он дрожит.

— Мама, срочно приезжай в Питер… пожалуйста… умоляю тебя…

Она плачет.

Я тут же ускоряю шаг, выходя из аудитории в пустой коридор. За спиной остаётся гул голосов, шелест бумаг, чужие жизни, которые в этот момент для меня больше не существуют.

— Ева? Что случилось?

— Папа… — голос её срывается, будто оборванная струна, натянутая до предела. — У него инсульт… его увезли в больницу… Мам… я не знаю, что делать… он в очень плохом состоянии…

Мир сужается до этих слов. До этого мгновения. Все звуки глохнут, мысли застывают. В груди растёт холод, сковывая дыхание.

Я стискиваю телефон так, что костяшки белеют. Гул в ушах. Перед глазами всплывает его лицо — сильное, уверенное, а теперь… Господи…

— Ты где? — мой голос хриплый, чужой.

— В больнице… я одна… мам, пожалуйста…

Её голос такой маленький, такой беспомощный. Впервые за долгие годы.

Я уже знаю, что сделаю. Решение принимается раньше, чем осознание догоняет.

— Я сейчас приеду. Беру билет на первый рейс и вылетаю!

Пытаюсь застегнуть замок на сумке, но руки вмиг потеют и перестают слушаться.

— Мама… — шепчет она, словно боится, что я передумаю, что останусь на расстоянии.

— Я уже выезжаю, доченька. Я скоро буду! — мой голос звучит твёрдо, хотя внутри всё рушится, обрывается, исчезает.

И в этот момент всё остальное перестаёт иметь значение.

Глава 27. Марта

Вылет через два часа, а я не понимаю, что делать это время. Как его пережить?

На автомате, пункт досмотра, снимаю вещи, кладу в ящик. Глаза бегают по пространству зала, не замечая даже людей и сотрудников. Где-то слышится звук, голоса, смех. В громкоговорителе объявляют посадку рейса из Саратова.

Я все вижу, все фиксирую, но в то же время я не здесь.

Снова беру свои вещи после прохода через рамку. Сжимаю телефон, проверяя не звонила ли за эти секунды Ева.

Всю дорогу до аэропорта я старалась ее успокоить, найти слова, чтобы подбодрить и вселить в нее веру в то, что все образуется.

Только когда звонок отключился, еще с минуту сидела, вцепившись в руль. Я знаю, что смогу найти слова для любого, а смогу ли успокоить себя?

Прохожу к стойке регистрации, но еще пока рано. Озираюсь по сторонам, пытаясь найти место, которое будет достаточно уединенным. В глаза бросается кофейня, и я, не думая, стремительно иду туда.

Ощущение, что внутри ледяная корка толщиной сантиметров пять. Мне даже холодно от того, как морозит изнутри. Я отчаянно пытаюсь не думать, не анализировать, и не искать возможных последствий. Я просто умоляю, чтобы отец моих детей остался жив и здоров.

Беру эспрессо, глядя в экран телефона и просматривая номер сына. Я должна ему сообщить, но не хочу, чтобы это все отразилось на его семье.

От шаткого плана отвлекает телевизор, висящий на стене.

«Гордей Зарудный, премьер-министр государственной думы дал интервью, в котором раскрыл проблемы в своей личной жизни».

Вслушиваюсь в слова и не могу поверить. А потом вижу, как на экране появляется ведущий и мой, пока еще настоящий, муж. Ведущий задаёт ему вопрос о том, какая цель интервью ведь Гордей никогда не стремился угодить СМИ.

Но здесь он отвечает, с полным включением в эту беседу он серьезно говорит, что это его исповедь, которую в себе держать он не может.

А дальше…дальше следует нарезка кадров, которые видимо сочли самыми резонансными.

Прикрываю рот рукой, слушая, как он озвучивает, что у него была единственная случайная беспорядочная связь четырнадцать лет назад. Он, не подбирая слов, называет это пьяной ошибкой… а я не могу сопоставить все это в цельную картинку.

Телефон резко разрывает пространство, заставляя меня подскочить на стуле, и я вижу, что это дочь.

— Мама, они до сих пор не вышли, — глухой всхлипывающий голос дочери рвет мне сердце на части.

Потому что именно сейчас я осознаю, что мы оба для нее единственные люди. Несмотря на все то, что было в жизни, хлопоты, чудной характер, она ведь до сих пор наша маленькая малышка.

— Ева, доктора делают свою работу, — смахиваю одинокую слезу с глаз и плюю на то, что вещают в новостях: — И поверь, они в лучшем виде подлатают твоего отца. Иначе, это ведь был бы не он, правда? Он всегда добивается того, чего хочет.

— Я не увидела, что ему плохо… Мам, не увидела, — снова дочка срывается на рыдания: — Я не знаю сколько он там лежал…

От новой информации мое собственное сердце останавливается. Но панике я точно не дам пьедестал. Не сегодня и не сейчас.

— Он сильный мужчина, Ева. — говорю твердо и хрипло: — Самый сильный из всех, кого я знаю.

— Эта чертова передача! Лучше бы я не смотрела ее! — она винит себя, это отчетливо слышится в голосе, но нельзя быть без вины виноватым.

— Нет, ты не смогла бы помочь. Как бы ты сейчас не корила себя, это не то, чего хотел бы твой папа.

Титанических усилий мне стоит спокойно и размеренно говорить, даже дышать. Но мне удается хоть немного успокоить Еву. Когда начинается посадка на самолет, я с ней прощаюсь и говорю, что уже буду через каких-то пару часов.

Правда, садясь в самолет, я старательно запрещаю себе смотреть отрывки интервью, текстовые варианты этой передачи и все, что с этим связано.

Не время, не место и не те события, чтобы копаться в белье, которое Гордей впервые за много лет вынес на всеобщее обозрение.

Единственный вопрос, который не сходит с моих уст, это что будет с карьерой, которую он по крупицам, по кирпичику закладывал, поднимаясь вновь, если упал… И хочется мне верить, что последствия этого интервью не добьют его, и без этого пошатнувшееся, здоровье.

Два часа проходят в агонии собственных мыслей, чувств и ощущений. Но как только пилот сажает самолет, я одна из первых вскакиваю со своего места. Никогда не любила тех, кому неймется, лучше дождаться, но сегодня иной случай.

Извиняюсь перед пассажирами, включая телефон и пытаюсь увидеть насколько быстро получится покинуть борт самолета.

Уходит десять минут, за которыми я читаю сообщения Евы: одно с адресом; второе с тем, что ничего еще не известно; третье, что она уже больше не может находиться одна.

После третьего буквально выбегаю из здания аэропорта и тут же сажусь в первое такси, называю адрес. Ладони потеют, а сердце сходит с ума, будто чувствуя, что еще одна половинка сейчас борется за свою жизнь.

Несмотря на то, что на носу развод, и все вытекающее, будет глупо отрицать, что я любила своего мужа. Отчаянно сильно. И даже за этот период не разлюбила, однако, все остальное, оно накладывает свой след на эту любовь. И бывает так, что только ее недостаточно. А после предательства эта любовь проходит свою трансформацию. И какой она останется и останется ли вообще зависит лишь от этой трансформации.

Прошу таксиста как можно скорее добраться до больницы. А когда он тормозит у дверей даю себе ровно одну секунду, чтобы собраться с духом, и предстать перед дочерью сильной и уверенной.

Двери раздвигаются автоматически, а я озираясь по сторонам, пытаюсь понять, куда мне идти. Вижу небольшую стойку регистратуры и сразу же двигаюсь к ней.

— Зарудный, — озвучиваю, глядя на девушку встревоженным взглядом.

Она слегка вздергивает брови, а затем не глядя в журнал говорит.

— Реанимация, второй этаж. Там зал ожидания…

Поднимаюсь по лестнице, чтобы не ждать лифт, а когда, наконец, оказываюсь в холле вижу свою дочь. Правда, стоит она напротив женщины, которую несмотря на то, что я ни разу не видела, я узнаю мгновенно.

Глава 28. Марта

Больницы всегда пахнут одинаково — стерильностью, лекарствами, страхом. Здесь воздух словно пропитан чужим ожиданием, болью, несказанными словами.

Я прохожу по длинному коридору, чувствуя, как пальцы сжимаются в кулак. Всё внутри меня напряжено до предела, но внешне я спокойна. Я не позволю себе проявить слабость.

Вижу её сразу.

Ольга стоит рядом с Евой.

Она кажется чуть ниже, чем я себе представляла, чуть проще, чем ожида

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.